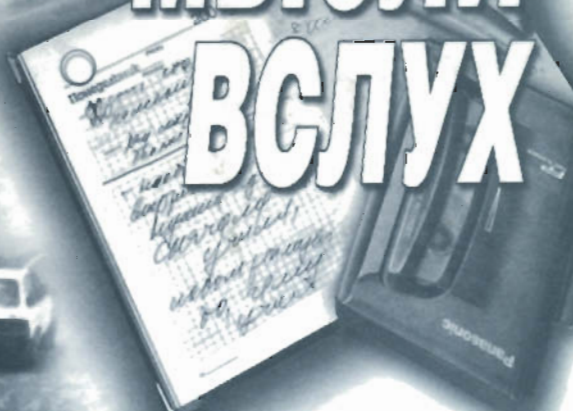

Харьков (КЕМ)
Ш 29 25

Таисия ШАТСКАЯ

МЫСЛИ
ВСЛУХ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач.

--

63.3(2p53-4Кем)
Ш 29

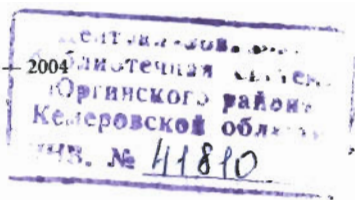
Таисия Шатская

МЫСЛИ ВСЛУХ

Публицистические
заметки журналиста

*к дню рождения
города Кемерово*

Кемерово

УДК 9(571.17)
ББК 63.3(2Р-4Кем)
Ш29

Шатская Т. А.

Ш29 Мысли вслух: Публицистические заметки журналиста к дню рождения города Кемерово. — Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2004. — 160 с.

Публицистические заметки журналиста Таисии Шатской — размышления о человеке и обществе, о поиске смысла жизни и о вечных нравственных ценностях. Совесть — вот опора и надежда любого из нас, утверждает автор, но совесть — тайник души, и каждый волен распорядиться своей тайной по-своему. Значит, необходимы общественные ориентиры и критерии?

УДК 9(571.17)

ББК 63.3(2Р-4Кем)

© Шатская Т. А., 2004
© Илиндеев В. Т., 2004
© ФГУИПП «Кузбасс», 2004

Т АВТОРА

Когда опытный артист говорит, что волнуется перед каждым выходом на сцену, я его понимаю. Потому, что сама волнуюсь, более того, порой просто паникую, вернувшись из очередной командировки: «Что-то главное ускользнуло...». Ответственное это дело — размышлять публично о конкретной судьбе или проблеме. Но бывают случаи, когда чья-то личная история дает повод к обобщениям, когда не обязательно называть имя и фамилию, а подумать есть над чем. Тогда и рождаются записки, известные под рубрикой «Из блокнота журналиста». Но вот что любопытно: волнение-то остается. Даже усиливается: ведь ты выставляешь на суд читателей свои мысли.

**И
ОЙДЕМ
ЗА СИНЕЙ
ПТИЦЕЙ...**

Есть в моей журналистской судьбе такой период познания жизни, окружающих и себя, который связан с театром... Честно говоря, никогда не думала, что стану театралкой. Как основательно готовились к будущей деятельности театральных критиков девчата в нашем университетском общежитии!

Умная, скептически настроенная Аэлита, презирав банальность лекторов-преподавателей, на занятия не ходила, днями лежала в постели и листала толстенные театральные книги. Робея перед нею, комсомольские активисты спросили: «Почему ты не ходишь на лекции?» Она не просто усмехнулась, хохотнула громко, откровенно, не в силах сдержать свое веселье: «Значит, мне неинтересно». И никто ничего с ней не мог поделать. Аэлита не ходила в наши университетские читальные залы, просиживала днями (когда не лежала в постели) в Белинке (публичной библиотеке имени Белинского).

Однажды в старом сарае на университетском хоздворе Аэлита прочитала мне монолог Жанны д'Арк из «Орлеанской девы» Шиллера. Сердце мое колотилось в восторге от невероятной силы таланта загадочной Аэлиты.

Вообще-то ее звали Элей. Аэлитой назвал отец по имени героини Алексея Толстого.

Отец ее был начальником крупного порта на Дальнем Востоке и очень интересно познакомился со своей будущей женой, Элиной мамой. Об этом Эля рассказала мне в тот день в сарае.

Было это еще в те времена, когда женщины носили платья-рубашки выше колен, киноак-

трисы были отчаянно глазастые, а Мариэтта Шагинян писала роман-сказку «Месс-Менд, или Янки в Петрограде». Спешил паренек по утрам на работу в порт. Навстречу ему каждое утро шла девушка.

Эля говорила. Я представляла себе кадры «великого немого», где низкорослые мужчины типа Чарли Чаплина семянят по деревянным улочкам, смешно оглядываясь. И вот она, глазастая, будущая Элина мама: топ-топ, остановилась, зыркнув глазами в пол-лица на парня. Он оглянулся, споткнулся, растянулся, не то бедный Чарли Чаплин, не то смешной, молоденький и толстенький Игорь Ильинский. Снова утро, снова мельтешат человечки. Парень решительно направляется к девушке, предлагая ей руку и сердце.

Все было необычно в Элиной судьбе. И монолог ее Жанны д'Арк был совсем не похож на нее: «Кто я? Простая дева»...

Раздвигались стены сарая. Голубое небо озаряло наше мрачное убежище — небо Франции. С грохотом рассыпались стены, пламя охватывало доски, доски трещали, дым и огонь застилали небо. Франция боролась. Франция взволнованным девичьим голосом врывалась в мое сердце.

Как любила Эля театр! Как подолгу могла говорить о нем... В те дни я была только тихим слушателем. Мне нечего было сказать о театре. Я готовилась стать журналисткой, но ничего не знала, кроме рабочей окраины рабочего города, откуда приехала в университет.

Новое знакомство не прошло бесследно. У меня появился первый театральный блокнот, из записей которого выбираю сегодня слова Станиславского о том, что нельзя холодно наблюдать людей, их борьбу, страдания и любовь и, «отгородившись, выбрав себе кучку близких, спокойно двигаться в завоеванном вами кольце ваших друзей»...

Когда, много лет спустя, оказалась ввергнутой в пучину театральных споров, поисков, экспериментов, когда почувствовала захватывающую силу борьбы, только тогда смогла понять глубокий смысл далеко не случайной записи. Вот в это наступившее время я как раз сомневалась: «Имею ли право на собственную позицию? Достаточно ли хорошо подготовлена к тому, чтобы судить о театре, его достоинствах и недостатках, его победах и поражениях?»

Вспоминала, как готовились к этой предстоящей борьбе наши университетские эрудиты, вспоминала Аэлиту... Но остановиться уже не

могла. Почему? Это я поняла еще позднее, когда поняла также, что дело в данном случае не только в театре...

Однажды, в университетские годы, по инициативе Эли мы собрались в зимние каникулы в Москву. «Посмотрим «Синюю птицу» в Художественном, обязательно сходим в Большой», — мечтала она.

Никогда не забуду, как в большущих хлопьях влажного московского снега мы стояли у афиши МХАТа, считая дни до отъезда. С «Синей птицей» нам не повезло.

Но я на нее все-таки попала. Через много-много лет. Совсем недавно.

Однажды в новогодний вечер оказалась в Москве. Та же веселая суета улиц, те же огромные сыроватые хлопья снега, что в мои студенческие каникулы. Я неторопливо брела, наслаждаясь живой сказкой большого города. Вдруг — афиша: МХАТ «Синяя птица».

«Синяя птица» в постановке самого Константина Сергеевича Станиславского! «Синяя птица», дожившая до наших дней с 1908 года...

Через несколько минут я сидела во тьме мхатовского зала. На сцене было тоже темно, только мелькал робкий огонек под потолком бедной

хижины дровосека. В абсолютной тишине раздались первые реплики маленьких героев феерии Мориса Метерлинка. Девочке и мальчику хотелось красивого новогоднего праздника, но у их отца не было денег — значит, празднику не бывать. Дети понимали это (в богатом доме напротив сияли огни, оттуда доносилась музыка, в том доме было чудо — новогодняя елка!).

А потом заскрипела железная дверь, и раздался такой же скрипучий, как у двери, голос: «Не у вас ли трава, что поет, и синяя-синяя птица?» И оказалось, что самое большое чудо на свете — это чудо воображения. Для этого нужно уметь видеть обратную сторону вещей. Тогда стены убогой хижины засияют так, словно они выложены из драгоценных камней (потому что все камни драгоценны, но человек видит, к сожалению, лишь некоторые из них). Тогда горбатая старушка превратится в красавицу (и это ведь очень справедливо: старушка была когда-то молода и хороша). Из квашни вылезет похожий на толстого, осыпанного мукой человека Хлеб, из очага выскочит пламенный яросный Огонь, из крана выйдет голубая девушка с длинными мокрыми волосами — Вода.

Артисты с именами звучными, заслуженные и народные, с упоением играли Душу света, Душу

сахара, Пса и Кота. Взявшись за руки, они шептали: «Мы длинной вереницей пойдем за Синей птицей, пойдем за Синей птицей»... Возвышенно и печально звучал хор женских голосов, энергичным прибоем накатывали упругие волны оркестра.

«Здесь миллионы, миллиарды Синих птиц, — кричали дети на сцене, — но что это, они мертвы?» Так и не сумели поймать Тильтиль и Митиль ту единственную Синюю птицу, которая не может жить при дневном свете. Но как много узнали на пути к ней...

Синяя птица, Синяя птица, символ духовного богатства не одного поколения, я счастлива, что искала тебя. Вот ты рядом, как этот снег, как яркая елка на площади, как эти веселые люди. Рядом. И нет тебя. Потому что никому никогда не поймать Синюю птицу (человек всегда хочет большего) и совершенства не бывает, важно стремление к нему.

Когда кругом так плохо,
что мысль замирает, а
руки опускаются, когда
безденежье гнетет, а
ложь, исходящая сверху,
становится нормой
жизни, можно ли найти
источник оптимизма,
нечто утверждающее
доброе и светлое, нечто
притягательное в силу
искренней душевной
стойкости? Оказывается,
можно.

Таким источником оптимизма, причем явным, зримым, стал в Кемерове фонтан у драмтеатра. Присядьте, проходя мимо него, на скамью, понаблюдайте за ребятишками на роликах. Столько страсти, столько азарта нигде больше не увидите. Смешно расставив ноги, овладевает нелегким искусством пацан в широченных шортах. А вот этот уже осваивает виражи. Упорен мальчишка, его круги все круче, движения все увереннее. Девочка, словно ласточка, изящна и легка, гармоничны и музыкальны ее движения, ладненьки коротенькие шортики, привлекательны даже подлокотники.

Да, конечно, и ролики, и подлокотники, и те просторные по моде штаны стоят денег. Да, и здесь видны разные возможности: ролики роликам рознь, одни стоят несколько сотен, другие — больше тысячи. Денег же повально нет. Но ребятишки то и дело подъезжают к киоскам, что шустро пристроились здесь, и отъезжают с баночками, бутылочками, мороженым. Загадка ситуации массового безденежья.

Кто-то возразит: загляните лучше на привокзальную и другие подобные площади, понаблюдайте за мальчишками, подбирающими окурки. Да, и таких немало. Об этом особый разговор. А

сейчас все-таки о фонтане, о том, что за ним, о его, так сказать, возможностях.

Нельзя не видеть и не оценить счастья ребятешек, что весело кишат в прифонтанном веселом муравейнике. Не все здесь на роликах. Малышам хочется непременно добраться до загадочных фонтанных струй, и тогда родители поднимают их и ставят на гранитный бордюр. Здесь то и дело фотографируются. А потому порой из подъезжающих автобусов выходят такие нарядные девочки — будто сказочные Мальвины, и шествуют в бальных нарядах к цели своего торжественного визита — к фонтану.

Высоко бьют звонкие водяные струи, образуя причудливые формы, даруя радость детворе и взрослым. Как не задуматься при этом, что стоило соорудить фонтан, несмотря на недостаток денег в городской казне. Радость стоит гораздо большего. Радость — это настроение. Радость — это пробуждение доброго. Радость — это здоровье.

Если бы только ребяташкам было хорошо у фонтана! Оказывается, многие взрослые, как бы помягче выразиться, люди вовсе почтенного возраста, нашли здесь свой источник оптимизма. Каждое воскресенье у фонтана — танцы. И не дискотека в нынешнем понимании, а самая что

ни на есть танцплощадка далеких послевоенных лет. Воскресным вечером подъезжает автобус, из него выходят мужчины в белых сорочках с музыкальными инструментами. Духовой оркестр располагается у входа в театр. А первые танцоры уже ждут его.

Вот скромно стоит, не присаживаясь, женщина в белом платье на изящных каблукках недавнего прошлого. Она вся — ожидание и порыв. На нее приятно смотреть. Что-то забытое, вечно девичье, во всем ее облике. Ей хочется танцевать! Вы понимаете это? А вот к ней спешит ее запоздавшая подруга в розовом. Тихая беседа оживляет их лица. Пожилые, седые партнеры, судя по выправке, завязанные танцоры, по-мальчишески присаживаются на бордюрик. Подходит очередной автобус, из него выпархивает целая группа нарядных дам среднего и старшего возраста. Все оживлены. Все в трепетном ожидании. «Рио-рита, рио-рита», — вспоминается при этом мелодия из одного хорошего кинофильма.

Духовой оркестр начинает с вальса. Его мягкие звуки притягивают не только танцоров, огромное число зрителей, которые, удивительное дело, наблюдают за происходящим не просто с любопытством — с глубоким интересом.

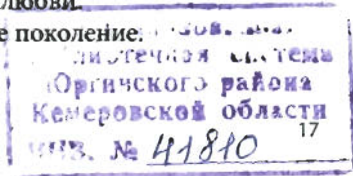
Вот наши знакомые первые ласточки — в белом и розовом — закружились с такой радостью, словно для них это очень важно. Да так оно и есть. Почему бы нет? Мало ли как сложилась жизнь. Возможно, гнетет одиночество... А вот более пожилые с черными от загара лицами и руками. Эти явно только что с огорода. Весь день гнулись над грядками. А сейчас они — королевы. Они достали лучшие блузки, у них для этого случая удобные босоножки. Красиво танцуют наработавшиеся на огородах бабушки...

Можно выделить пары людей, явно познакомившихся на этих встречах. Можно заметить волнение немолодого танцора, которому по душе его партнерша.

Девчата и ребята послевоенных лет, пусть даже на время, забыли о долгожданной пенсии... Им хорошо. Это так очевидно.

И вот что чрезвычайно важно. Ни усмешек, ни снисходительности на лицах зрителей нет. Столько достоинства и сердечности в среде танцующих, столько невидимого мужества и явной доброжелательности, что иного отношения просто быть не может. И выходит, что перед нами еще один урок веры, надежды, любви.

И дает его старшее поколение:

В СЕ СПЕШИМ...

Некролог в газете заставил вздрогнуть. Знакомая фамилия. Те же имя и отчество, которые уже стали забываться, а теперь отчетливо вспомнились. Трагически погиб. Что же случилось?

Недавно встретила этого человека на автобусной остановке, не сразу узнала, а он оживился, обрадовался. Перекинулись вежливым: «Как жизнь?» Узнала: при сокращении управления железной дороги отправлен на пенсию. Подумала: «Наверное, досрочно».

На прощание сказал такую фразу: «Сегодня я прожил не зря — встретился с вами». А я, как всегда, спешила и не придала этому особого значения. Только не могла, естественно, не заметить, что дело вовсе не в моей персоне. Он топтался на месте и в отличие от меня явно никуда не спешил. Дул холодный, пронизывающий осенний ветер. Скорей бы автобус. А мой старый знакомый улыбался почти той же мальчишеской улыбкой, которая вспоминалась все больше.

Подошел мой автобус, и я уехала, чувствуя в дороге какую-то неосознанную вину. словно недодала человеку внимания, не нашла нужного слова. Ведь он явно выбит из седла. Ему плохо, тяжело, непонятно живется в мире, где он вдруг так резко стал никому не нужен.

Вспомнила нашу первую встречу в буйно-зеленом по весне железнодорожном городе. Сколько кипучей энергии было в комсомольском жожаке с льняным чубом, как увлеченно водил он корреспондента областной газеты, меня то есть, по цехам депо, по строительным лесам не Бог весть каких сооружений масштаба скромного привокзального городка! А впечатление осталось, и статья о молодых преобразователях тихого провинциального местечка получилась.

Не зря же потом еще не раз тянуло сюда. И были новые встречи и новые открытия: то удивительного железнодорожного техникума с его уникальным директором, то династий машинистов паровозов, затем тепловозов. Знакомый комсомольский вожак постепенно грузнел, был уже на профсоюзной работе. Но все так же широко распахивались его глаза навстречу всему доброму, открытому, и все та же радушная улыбка освещала его бесхитрое лицо. Он был способен радоваться за других, и это делало его счастливым.

И вот некролог заставил взглянуть на сам факт гибели человека с неожиданной стороны. Сразу вспомнилась та фраза: «Сегодня я прожил не зря...». Это насколько же отринутым от общих дел, таких привычных и необходимых, надо вдруг оказаться, чтобы сказать такое. А я-то! Спешила... Вернуться бы из того теплого автобуса на промозглый ветер, поговорить с человеком как следует и главное — выслушать, постараться понять его состояние. Жизнь каждого из нас бесценна и в то же время всего лишь песчинка в хаосе происходящего.

Ликвидировали управление железной дороги, саму эту дорогу, выходит, лишили самостоятель-

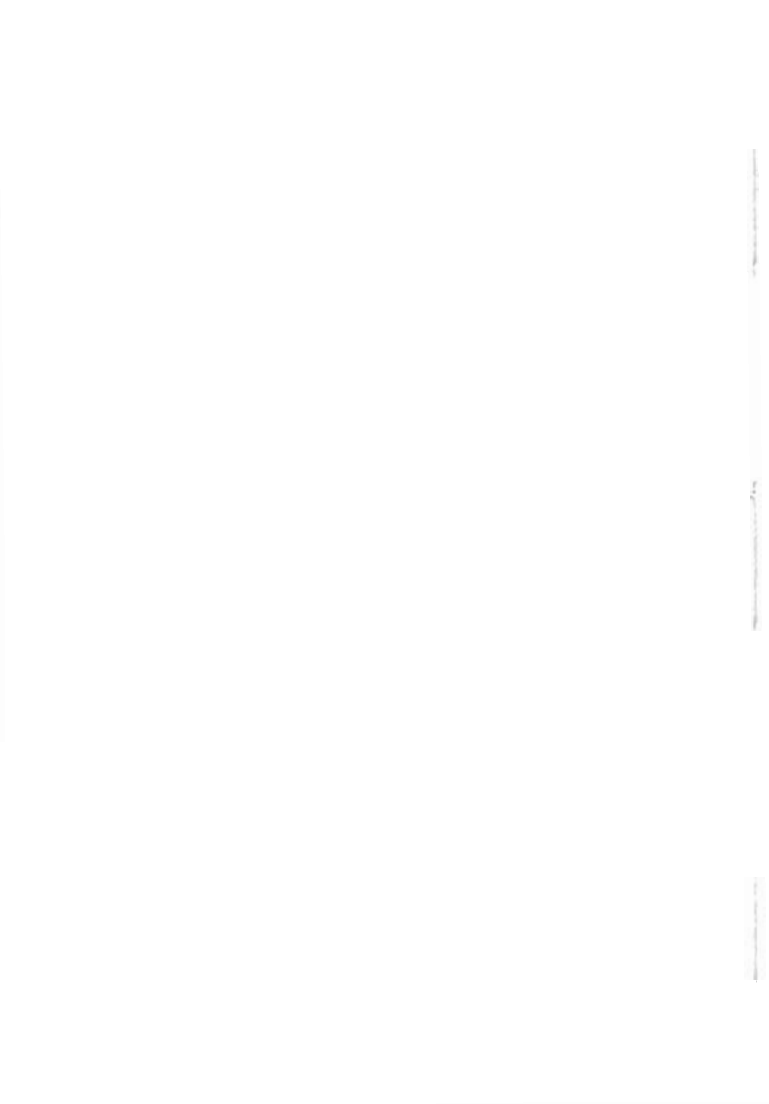
ности. Об экономическом уроне в связи с этим сказано немало. А вот о нравственном? Может быть, он куда значительнее... До срока потерял себя человек, вполне возможно, не исчерпав того, что дано ему природой. Вот оно, начало трагической гибели. Не это, так что-то другое могло случиться. Ведь человек потерял уверенность, веру то есть, в том числе в себя самого. Не случайно же на одном из высоких собраний умный врач заметил: «В обстановке, какая у нас сейчас, раны не заживают...»

Остается развести руками? Но, как заметил другой умный человек, возможно, единственное, что у нас осталось, это духовный потенциал. Он-то и может стать точкой отсчета времени и способов спасения. Начинается же он (в числе прочего) с простого доброго слова, сказанного вовремя и от души. Ибо с этого завязываются взаимопонимание, взаимоуважение, тяга друг к другу, а в конечном итоге — рождение мыслей, идей, необходимых действий и поступков.

Узнала: погиб мой старый добрый знакомый самым нелепым образом. Залихватски рванула «иномарка» куда не положено, где стояли люди. Другие-то успели отскочить, а этот не успел.

В ожидании «скорой помощи» лежало на асфальте мертвое тело бывшего молодежного заводилы с буйным когда-то и светлым чубом. Рядом стояла женщина, и больше — никого.

Жуткая, будничная картина. Под колесами «иномарки», трусливо скрывшейся и не найденной, погиб человек, по сути, задолго до этого вытесненный из жизни именно ею.

ЧЕГО ТОСКА?

Вот уж поистине случайно
попала на бал. Ехала в
Москву на конференцию,
а областная организация
журналистов как раз
получила приглашение
на бал, тоже в Москву —
заодно, мол, побывай.

И вот в руках у меня билет:
«Дорогой друг! Имеем
честь пригласить вас...

Бал состоится в центре
международной торговли.
Съезд гостей к 18 часам».

Не знаю, как насчет «съезда» остальных, а мне пришлось топтать от метро «Красная Пресня» не менее часа по раскисшему снегу, при полном отсутствии в нужном направлении какого-либо транспорта.

Тем не менее я оказалась в числе первых гостей. И сразу же принялась изучать великолепные холлы и коридоры. По стенам — яркие портреты нынешних политических деятелей. К роскошным столам, уставленным шампанским, коньяком, немислимыми винами, водками, великолепными соками, изящными фужерами и рюмками, можно подходить и пить все, что пожелаешь, бесплатно.

Холл перед огромным залом постепенно заполнялся. Рюмки и фужеры шли в ход. Заработали пивные агрегаты. Замелькали очень длинные и очень короткие платья, голые плечи, правда, и провинциальные пиджаки на дамах из регионов — тоже. И такая смешанная, такая пестрая картина все уплотнялась и уплотнялась притоком новых гостей. Сверкали-искрились огненные буквы — «СМИшной бал». На эстраду выходили мальчики и девочки, изображая то зависимую, то независимую прессу, восхищался сам собой модный поэт-миниатюрист...

Потом распахнулись двери в зал, и гости стали рассаживаться вокруг столов, согласно указанным в билетах номерам, а столы с этими самыми номерами буквально ломились от яств и питья. В центре опять же сверкала эстрада, но издалека было плохо видно и слышно. Самое значительное из происходящего там, пожалуй, следующее: джентльмен в белоснежном костюме накинул пышную шубу на голые плечи хозяйки бала — дар московской теледикторше. Затем пригласили на эстраду Геннадия Селезнева, напомнив, что он бывший журналист, Эдуарда Росселя, у которого, как было объявлено, хорошее взаимопонимание с прессой, Юрия Лужкова, которого в зале не оказалось...

Пили, ели, смотрели концерт (развлекательный), а заодно хлопали каждому очередному награждаемому. И были такие выдающиеся люди — исключительно москвичи. Рядом со мной сидела особа из Карелии, она написала книгу очерков, которая отмечена премией Союза журналистов России, так вот эта дама все просила: «Слушайте внимательно, меня должны назвать...»

Не назвали — ни ее, ни других провинциалов. Поднимались на сцену те, кто, очевидно, поднимался на нее не первый раз — и все, как на

подбор, исключительно москвичи, те, чьи лица на экране, имена в газетах не только примелькались, но порой и поднадоели. Московская тусовка? Именно. Тогда зачем же эти длинные ряды столов с огромным числом приглашенных? Надо полагать, для фона...

Вот так и начала понемногу подбираться к сердцу тоска. От того, что это все большая неправда. От того, что какая-то группа людей неплохо устроилась в нашей плохой, хуже некуда, сегодняшней жизни. За счет того самого фона, что должен по идее радоваться обильной еде, обильному питью за столиками по дальним краям большущего зала. Господи, да не пир ли это во время чумы? Ведь эти самые люди — мои коллеги — любят показывать в своих газетах нищих, голодных, обиженных, униженных. Не выдумывают же они именно таких героев нашего времени.

Грустно и стыдно. И главное — тоскливо. Ноет душа, нет сил ни есть, ни пить, ни радоваться жизни. А все только начинается. Разыгрываются номера билетов — потоком выдаются ни за что (просто за совпадение номера) подарки. Начинаются танцы у столиков и в холле.

За полночь потихоньку отправляюсь к гардеробу. А надежде найти попутчика до метро

обращаюсь к женщине спокойного, тихого облика. Оказывается, она с мужем, который появляется через несколько минут и предлагает подвезти меня к гостинице. Выходим на свежий воздух.

Пока шел наш бал, не на шутку разыгралась снежная метель. Иномарка моих случайных знакомых просто окутана снежной шубой. Мужчина сметает щеткой снег, а мы в машине знакомимся. «Как из Кемерова? — восклицает женщина, — Юра, ты слышишь, из Кемерова!»

Вот так встреча, говорят в подобных случаях.

Юрий Георгиевич так расчувствовался, что, попросив разрешения закурить, повел машину самыми яркими, самыми красивыми улицами ночной Москвы, рассказывая по дороге, что родился и вырос в Промышленновском районе, в деревне, которой сейчас нет, что до сих пор видит во сне коней на лугу, коней своего детства, что жил в Топках, учился в Москве, одно время чуть было не стал журналистом, даже практику в «Правде» проходил. Жена его Нина окончила Кемеровский медицинский институт.

Юрий Георгиевич, по всему было видно, очень волновался. Он не скрывал этого. «Верите ли, — говорил, — полмира объехал, но ни одного самого благодатного, самого красивого местечка

не вспоминаю так, как свою деревню, которой давно уже нет, последнее время — особенно, так и вижу — пасутся на лугу кони...»

М **АМИН СУП**

Встретила чудо. По
квартире разгуливала
крохотная девочка,
совершенно голенькая,
ну просто настоящая
Дюймовочка, от роду, как
выяснилось, около двух лет.
Вот она забралась к маме
на колени, пристроилась
к маминой груди...

Вбежал ее четырехлетний
братик, в одних плавках, с
игрушечной балалайкой,
басовито запел, привлекая
внимание:

Ах, милка моя,

Милка ласковая...

Вошел еще один, восьми лет, на голой груди на ленточке — медаль «Посвящение в моржи». Третий — подросток, в шортиках, вежливо поздоровался и углубился в свои занятия.

— Закаляете? — спрашиваю кормящую маму.

— Вообще-то, мы их обливаем холодной водой, показалось этого мало, подались в моржи.

Есть у ребятешек сестра восемнадцати лет, она-то и начала первой обливаться.

— Я родила ее, когда самой было столько же, — добавила молодая мама.

Так началось знакомство с многодетной семьей Плотниковых. Живут они в тесной, спортивно оборудованной, украшенной детскими рисунками квартире в центре Новокузнецка.

Мама Лена спокойна и привлекательна. Не повисит голоса. Не следит умным взглядом красивых темных глаз своих за ребятней. Просто и естественно живет одними с детьми интересами. Буквально каждую минуту.

— Эту балалайку сделал папа, — говорит.

— Папа! — с восторгом подхватывает исполнитель частушки, услышанной на празднике во дворе.

Лена рассказывает о том, что вот уже восемь лет во дворе дома проводят масленицу. Как все на-

чалось? Открыла как-то шкаф — свалился парик. Примерила — смешно, надела расписную бабушкину кофту, нашлась и подходящая юбка. Как раз «сидела дома» с годовалым Сашей. Написала тогда объявление: приходите, мол, уважаемые соседи, во двор в карнавальных костюмах, не забудьте крендельки да пирожки прихватить, будем чай пить. Человек пять пришло. Все равно музыка была. И чай тоже. На следующий год появились чучело, костер, Емеля на печи... И масса народу.

— Вот он, Емеля, — тащат ребятишки большую куклу.

Лена училась на швею: пригодился навык. Папа смастерил печь, которая складывается наподобие конструктора.

— Вот она, печка, — показывают дети дэвэпэшные листы за шторой у балкона.

Потянулись люди на самодеятельный праздник не только из родного дома, из соседних. Хороводы, состязания... Родители делают горки, бабушки их охраняют. Родилось общение — ожил дом.

Неужели Елене мало домашних забот? Пятеро детей. Которых, кстати, кормит грудным молоком — кого до двух с лишком, кого даже до четырех лет. И не по графику, а по потребности. От прививок отказалась, получив поддержку умного

(«не давит») педиатра. Материнский инстинкт срабатывает не только в деле выкармливания, но и в необходимости общения.

Есть в Новокузнецке место отдыха под названием Водная станция. Как уйдет туда Лена с ребятами, так на целый день. Катаются на ледянках, дышат свежим воздухом, знакомятся с детьми и взрослыми. Летом на даче, где речка Абашевка, купаются и трудятся. Всю зиму свои овощи — основной продукт семьи, не считая соевой акары, которая, вот беда, быстро надоедает. Угощают замечательным чаем, настоящим на травах, с вареньем из собственной смородины.

Пока мы перезнакомились, пришел с работы папа, весьма молодой на вид, хотя уже сорока лет, стропальщик старого Новокузнецкого ДОЗа, ныне акционерного общества. Сразу включился в общую беседу, между делом подбрасывая, раскачивая, виртуозно крутя самых маленьких. Папа получает не более двух тысяч рублей. Вот и работает старшая Женя. Вот и учится на сварщика шестнадцатилетний Володя, душа которого тянется к механике (всем соседям велосипеда перечинил).

— Один раз на даче у меня цепь с велика слетела, — улавливает, о чем речь, самый активный четырехлетний Славик.

Его не прерывают, дают высказаться. Здесь мнение каждого весомо.

Папа не пьет и не курит. Раньше хоть по праздникам появлялось в доме спиртное, год назад решили даже в дни рождения обходиться без вина. Бывает, тесть уже на пороге проговорит: «А вот выпили бы, было бы лучше». Папа и пол при необходимости вымоет, и лепешки испечет, хотя вырос вовсе не в многодетной, как у жены его Лены, семье.

В клубе «Преображение» при библиотеке имени Гоголя Елена изучает творчество Рерихов. Там познакомилась с интересными людьми, психологами, советы которых помогли благополучно родить последнюю пока дочку. Это случилось на даче, когда мужа не отпустили с работы и в доме был один помощник Славик, не полных тогда трех лет. Методику динамической гимнастики принесла из библиотечного клуба. Фигурки всех детей и без того спортивно-подтянутые, а благодаря этой гимнастике — хоть скульптуры с иных лепи.

Пока мы беседуем да пьем чай, крошечная Таечка-Дюймовочка аж дважды прикладывается к маминой груди. Постреливает мамиными глазками удивительная моя тетка, наслаждаясь жизнью и будто говоря: хорошо-то как, вкусно, покойно и

тепло мне, голенькой, в этом добром доме, где все меня любят и никто никогда не обидит...

А как же бесконечные мрачные публикации о неблагополучных семьях, а как же походы матерей с пустыми кастрюлями? Начитаешься-наслушаешься такого, и уже кажется, что нет и не может быть сегодня счастливых многодетных семей, что нет и не может быть непьющих в таких семьях родителей. Потому-то и пишу о другом. Потому-то и указываю фамилию и город. Есть люди, рассчитывающие, прежде всего, на себя. Содержательные, интересные. Нашедшие счастье и смысл жизни в детях, в разумном их воспитании.

В Центральном районе Новокузнецка матери именно таких семей объединились в клуб. Начался он со встреч поколений, торжественно, по особым случаям. В конце концов ядром клуба, где учат теперь шить и вести домашнее хозяйство, стали несколько женщин, среди которых самая молодая — до тридцати, несколько таких, как Лена, — до сорока, да одна постарше — за сорок лет.

Вместе со мной в гостях у Плотниковых Надежда Наумова, ровесница Елены, мамаша троих детей, активистка клуба матерей. Обе женщины охотно рассказывают о тех, с кем встречаются в

клубе, удивляясь одаренности и жизнестойкости подруг.

Наташа, та, что, моложе всех, шьет, вяжет, наряжает кукол, изящно раскрашивает яйца. А живет с мужем в общежитской комнате на одиннадцати квадратных метрах. Никогда никому не говорила об этом. Женщины сами увидели однажды и поразились, зная о семье лишь благополучное: дети танцуют, занимаются фигурным катанием.

— Вот ее платье, — демонстрирует Лена великолепный подарок Наташи.

Ольга Горобчук, недавний молодежный лидер, остается таковым для своих четверых детей. В доме удивительные отношения между мужем и женой. Дети видят, выпитывают. Здесь читают вслух при свечах на сон грядущий. Так повелось. Мама встает раньше всех, заводит тесто, чтобы папа взял на работу свежие пирожки. Делается это, надо полагать, не от избытка средств.

— Нас, нормальных, но малообеспеченных многодетных семей, не более трехсот в городе, — рассуждают Надежда и Елена, — до нас никому нет дела, мы — на самовыживаемости. Заботятся о неблагополучных, о детях-инвалидах. Нам же с шести утра приходится очередь

занимать, чтобы получить проездной билет в счет детских пособий...

Потом я была у Нади, знакомилась с тремя ее детьми. Главным здесь оказался Паша, пяти с половиной лет. Он посещает старшую группу детского сада, любит рисовать домики и машины. Под авторитетным влиянием старшей сестры, восьмиклассницы Иры, Паша так славно распевал английские слова известной мелодии из кинофильма «Титаник», что даже кошка, не сводя с него глаз, всем своим существом «подпевала» привычному домашнему дуэту. Вот так, сказали, всегда: только запоют Ира с Пашей, умная кошка сразу устраивается между ними. С большим интересом слушал исполнение красивой песни и брат Сергей — семиклассник.

У этой семьи хорошая трехкомнатная квартира в одном из старых домов улицы Энтузиастов. Вот только ремонт никак не закончат: осталась без работы мама, не очень прочное трудовое место у папы, а ремонт требует средств.

В одной из комнат этой квартиры я притихла от неожиданности. Это была комната моего детства. Точно в такой комнате коммунальной квартиры жила в послевоенные годы на улице Энтузиастов вся наша семья: мама и четверо детей. Тогда не

было понятия «многодетная семья». Ни о каких льготах не помышляли. Ни на чью помощь не рассчитывали.

В этот приезд я узнала кое-что из того прошлого. Когда маму спрашивали о детях, она отвечала: «Я люблю их заочно». Чтобы накормить семью, она днем работала в ремесленном училище, вечером шила на швейной машине «Зингер», что стоит сейчас в моей квартире под портретом мамы.

Наша комната всегда была полна ребят: к брату приходили большие парни, играли в шахматы, к сестре — любительницы вышивать крестиком и гладью, к другой — покровительницы кошек. Комната сотрясалась от смеха — вот что особенно запомнилось. Поводом для веселья были сущие пустяки. Кто-то царапается за дверью. «Посмотрите, что там за птица», — говорит мама. Открывают дверь, видят маленького мальчонку и, естественно отвечают: «Воробей». Взрыв смеха. Доволен и виновник — новый гость.

А до чего хорош был мамин суп! Холодильника не было. Купленный на базаре кусок мяса целиком закладывался в кастрюлю. Суп съедали свежим, за один присест — и свои, и гости. До сих пор помнят его повзрослевшие-постаревшие друзья детских лет. Может быть, секрет и в том, что добрые руки

готовили тот суп, что от чистого сердца угощала мама всех, кто оказывался в ее доме?

Вот куда завели мысли-воспоминания, рожденные недавними новокузнецкими встречами. В самом деле, и тезка-крохотуля с довольно редким ныне именем, и эта родная комната с большим (и фактически, и символически) окном в мир... Как много, оказывается, общего в многодетных семьях, разделенных десятилетиями. Вот и у нас, как у Плотниковых, старшие рано пошли работать, вот и у нас, как у Наумовых, поддержали искру увлеченности, и, как у Горобчуков, постоянно читали вслух, особенно Некрасова, любимого поэта мамы.

И я прихожу к выводу: подлинные человеческие ценности не зависят от времени и от обстоятельств.

ВОЕ СУЖДЕНИЕ

Не выходит из головы замечание читателя: «Мало пишете об общественных отношениях». Верно. Мало. А почему? Вот давайте и подумаем вместе.

Первое лежит на поверхности: живем в пору крутых перемен этих самых общественных отношений, меняя привычную общность на индивидуализм. Второе посложнее: кто и как к этому относится. И вот тут-то начинаются странности, доходящие порой до несуразности.

Казалось бы, личный жизненный опыт диктует человеку одно, но сон его разума рождает другое. Помните, как в самом начале социальных перемен конца восьмидесятых — начала девяностых годов не худшие умы своевременно задались вопросом: «Что происходит с Россией?» Так и называлась, кстати, серия брошюр, среди которых привлекли научной логикой и аргументацией труды ученого-химика Сергея Георгиевича Кара-Мурзы, почувствовавшего потребность в те дни стать публицистом. Потомственный русский интеллигент из рода Карамзиных-Карамазовых, это человек совести. А именно совесть (есть она или нет ее) разделила в те переломные годы людей на тех, кому дорога Россия, и на тех, для кого она «эта страна».

Для начала вернемся к одной из лучших и в какой-то степени пророческих статей Сергея Кара-Мурзы «Вырвать электроды из нашего мозга». События последних лет, подметил тогда он, что-то нарушили в нашей способности мыслить и вспоминать. На первых порах нас оглушили, как быка перед забоем, ради его же блага, ужасами бомбардировок и растерзанных тел на телеэкране под литавры общечеловеческих ценностей. Так начиналось привыкание к непривычному,

противоестественному. Так подавлялась воля и рождалась апатия мысли.

Обществом овладевала странная оторопелось. Стоило кому-то раскрыть рот, как его ловко за-тыкали: «Наследие старого режима!» Или: «Мы уже это проходили». Ученый приводит простой пример. На первых порах перестройки вбивали в головы такой «гвоздь»: благополучие нашей страны всегда держалось на вывозе минеральных ресурсов.

К чему бы это? А чтоб приучить к мысли. Если в 1986 году из СССР было вывезено 30 тысяч тонн меди, то в 1990-м — уже 180, а в 1991-м — 230. И это никого в обществе не шокировало. Привыкли!

То же произошло и с вывозами никеля, алюминия. Россию сделали сырьевым придатком. Цель — не только прибыль, утверждает ученый, а разрушение самосознания промышленно развитой страны, создание комплекса колонии.

Вот так постепенно отказались даже от производства собственных безалкогольных напитков, нашли массу доводов в пользу торговли землей, хотя один из авторитетных в мире специалистов по приватизации уже тогда предупредил: «Одно дело — продать земельный надел своему граж-

данину, другое — продажа земли иностранному капиталу...»

Вбивалась мысль о нашей бедности, об убожестве, к примеру, отечественной медицины, об унижающих человеческое достоинство очередях. Вдруг много стали писать о проституции, тем самым в какой-то степени и распространяя, насаждая ее, о многих других пороках общества.

Так вбивались один за другим гвозди-электроды в сознание. Опровергая простыми житейскими доводами (сколько стоил у нас тетрациклин прекрасного качества? 9 копеек. А в Испании — в 4 тысячи раз дороже) все эти яркие, шумные, зачастую пошлые и бесстыдные кампании, ученый приходит к выводу: необходимо вырвать электроды из нашего мозга, сделать сверхусилие, чтобы вернуться к здравому смыслу. Причем необходимо это всем — и демократам, и патриотам, и белым, и красным.

Был ли услышан этот голос? Брошюрка — 20 000 экземпляров. Журнал, где печатается этот автор, «Наш современник», имеет примерно такой же тираж. На телеэкране этого человека мы никогда не видели, на «Радио России» в качестве желанной персоны его не слышали. Лично я встретила с этим удивительно скромным человеком в Ма-

рьевке на Федоровских чтениях, куда пригласил редакцию «Нашего современника» Аман Гумирович Тулеев, сам притесняемый в ту пору и все же непокорный председатель законодательной власти Кузбасса.

Так вот, вышел на сцену сельского клуба тихий и не эффектный профессор химии Сергей Георгиевич, заговорил о том, о чем сердце болит, и в зале сельского клуба наступила мертвая тишина. Он говорил о том, что понятно людям, до чего они сами дошли своим крестьянским разумом, только высказать пока не сумели, да и кто их спрашивал...

Вот вам общественные отношения, вот вам и молчаливое уразумение осознаваемого да недоступного по разным причинам.

Понимая, что очень уж увлеклась отступлением в пользу авторитетного для меня публициста, перехожу к начатому ответу на вопрос читателя.

Итак, как видим, не просто сметь свое суждение иметь. Если оно убедительно и достойно, его можно просто не заметить, не дать ему выхода к людям. Результат — тот же: односторонность, запутанность, в конечном счете — апатия.

Когда я попыталась как-то, не убоившись возможного обвинения в приверженности к

идеологическим методам недавнего прошлого, отправиться на завод и выслушать мнение рабочих именно на общественно-политические темы, получилось следующее.

Завод, как и многие другие, переживает не лучшие времена. Однако люди говорили охотно и, что наиболее важно, безбоязненно, просто и разумно. Примерно о том, же, о чем пишет Кара-Мурза. Но вот один из пиратов пера гордого соседнего издания, прочитав об этом, усомнился: «Неужели рабочие такие умные? Может, вы сами за них написали?»

Вот тебе и раз. Черпаем информацию из модных газет, с телеэкрана, шныряем дружной гурьбой с одной пресс-конференции на другую, пишем по-разному об одном и том же, а жизни не знаем и знать не хотим. Мнения тех, для кого пишем, для нас вовсе не существует.

Как-то группа журналистов побывала на другом заводе. Был жаркий день начала лета. Выслушав в большом зале производственников, мы словно ступили в глубокую и чистую живительную воду: столько искренности, доброжелательности, умных советов получили. Не выдержал тогда наш редактор и так обратился к залу: «Милые вы мои, спасибо!» Так что дело вовсе не в форме

общения, а в существе его, — в умении и желании выслушать и понять друг друга.

Но опять вынуждена усложнить свое суждение. Всегда ли мы готовы к восприятию иной точки зрения? А ведь это необходимо именно в силу необратимости общественных перемен и желательно для благополучного в конечном итоге для всех нас исхода. О чем я? Легче всего показать на конкретном примере.

Уважаю писателя, много лет прожившего в соседнем крае, в поселке, Виктора Петровича Астафьева. Сколько правды, самой что ни на есть низовой, сколько мужественной честности принес он в нашу отечественную литературу. Было время, написала как-то рецензию на его повести, а кто-то из читателей переслал ему газету с этой рецензией. Получила тогда редакция ответное благодарственное письмо, отрывок из рецензии попал в монографию о писателе. Я начала читать все, что выходило из-под пера этого писателя. Но получилось так, что роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» прочла после того, как прогремели над ним непримиримые литературно-критические грозы, в том числе и в читаемом мною долгие годы «Нашем современнике».

Насытившись критикой, взялась за роман. И что же? Потрясенная все той же мощью астафьевского слова и в конечном итоге протестующая против иных его мыслей и картин, пришла к следующему выводу.

А, собственно, по какому праву жестко судят художника? Он так видит. Он это выстрадал. Время покажет, насколько он прав. Зачем же набросились? И на кого? На того, кто во много крат сильнее, значительнее, необходимее тех, кто набрасывается.

Вспомнила, как вертелся на телеэкране приехавший к Астафьеву один из модных тележурналистов, из тех, что довольно талантливо вколачивает электроды в наши мозги. Так и чувствовалось: обрадовался раздору, ждет чего-то такого, долгожданного, в пику тем, из чьих рядов вроде бы и вышел писатель. Не дождался. Мастер слова все больше о навозе говорил, употреблял и еще более выразительное слово в этом же смысле. Никак не давался. Вот вам и момент истины.

«Не должно сметь свое суждение иметь...» Не это ли в основе пережитой незаурядным человеком, с особым складом мышления, публичной порки? Зачем она нужна? В чем ее созидательный смысл? Поневоле вспомнишь, ну хотя бы по

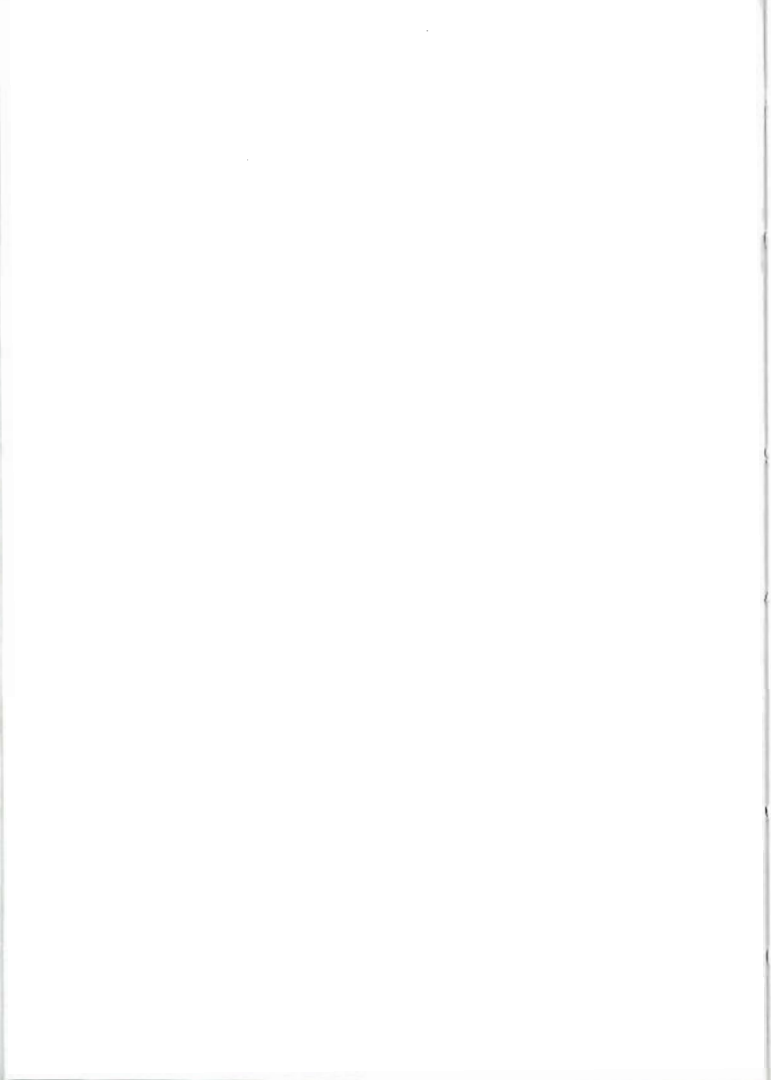
фильму Андрея Тарковского «Андрей Рублев», жуткие картины, когда вырывали языки на Руси. Не должно сметь... А в результате — осторожность, безразличие, апатия? С одной стороны — да, именно с той стороны, где правит совесть. С другой, напротив, наступление — все развязнее и наглее.

Вот так и живем?

Ответила ли я на ваш вопрос, уважаемый читатель, который покритиковал: «Мало пишете об общественных отношениях»? Или попыталась оправдаться?

В любом случае вы задели за живое и хочется надеяться, что это не безрезультатно. Сдвиг есть, поверьте. Вот мой коллега говорит: мол, труд журналиста — товар, который автор волен предложить любому изданию. Я с этим не согласна. Однако несогласие в данном случае вовсе не мешает признавать достоинства такого суждения. Как говорится, больше поэтов, хороших и разных, больше мнений, самых разных.

И больше — одинаковых возможностей!

Когда вижу на телеэкране очередного политического деятеля, либо пламенно брызжущего словами, либо с трудом выдавливающего из себя слова, и в том, и в другом, и во многих еще случаях не оставляет мысль: а для кого все это изрекается? По виду, по форме — для нас, для нашего просвещения, наставления, вразумления. По сути — для себя. Именно так! Доказательство этому утверждению — весьма простое: стоит лишь сопоставить слово и дело.

Это простенькая связка — слово и дело — и станет сегодня темой нашего исследования. Для начала возьму совершенно конкретный факт из сферы самой что ни на есть бытовой, жилищно-коммунальной, касающейся большинства горожан.

Довелось как-то рассказать газете о том, как по воле плохо организованной коммунальной службы загублен некогда образцовый двор большого жилого дома. Нашлись в свое время в этом доме активные люди, которые сумели организовать соседей на проведение спортивных соревнований, совместных праздников. Побелили-покрасили подъезды, развесили на стенах картины, а на окнах — шторы. Словом, почувствовали себя хозяевами.

Но вот пришлось, как это водится, тепловикам выкапывать трубы, что проходят как раз под огороженной спортивной площадкой, под спортивными сооружениями. В результате нарушен не только асфальт, погибла ограда, растащили все, что покрывилось-изогнулось и стало ненужным.

Реакция после выступления газеты была немедленной и заметной. Во дворе появилась одна комиссия, затем другая. Проверки, разборки. Установили сроки исправления. В редакцию

пришел сам руководитель муниципального предприятия. Ничего не опровергал. С критикой вежливо согласился. Объяснил специфику своей службы, подтвердил, что в такие-то дни будет все исправлено. Однако, вздохнул, есть и обратная сторона медали: велики долги по квартплате, не все жители бережливы и аккуратны.

Кстати, в описанном случае люди не могли уплатить за квартиры не по своей вине (вышло из строя централизованное компьютерное устройство). Об этом было сказано в газете, где отстаивалась позиция: жители, даже если они не во всем правы, становятся заложниками и безалаберности, и безденежья, и многих других пороков специальных служб. Почему, например, спортивная площадка оказалась как раз над тепловыми сетями?

Долго говорил руководитель, что ему приходится вертеться, как ужу на сковородке, что есть, конечно, и субъективные причины плохой работы коммунальщиков, та же грубость, к примеру, но есть и объективные, прежде всего, недостатки финансирования: «В прошлом году освоил вдвое больше того, что выделили, для жильцов — хорошо, для бюджета — плохо. Раньше бы за это звезду повесили, а сейчас чуть не уволили»...

Откровенность располагает. И я возмечтала: вот бы на этом примере показать, как слово отзывается делом. Собеседник — порядочный, честный человек, у него высшее образование, отличная семья. Не верить ему нет ни малейших оснований. Сказал — значит, сделает.

Проходят намеченные сроки. Звоню в полной уверенности, что двор приведен в порядок, что квартплату принимают аккуратно, не гоняя людей по нескольку раз из-за неисправного компьютерного хозяйства. Предполагаю, что и в остальном, о чем говорилось в газете, есть изменения. Уж больно ретиво взялись за дело сразу после публикации!

И что бы вы думали?

— Все, как было, так и есть, — отвечают жители дома, — только площадку опилками присыпали...

— И за квартиры так же уплатить не можете?

— Все без изменений.

Вот вам и слово. Вот вам и дело. И это в обстановке, когда в администрации города связь этих понятий наредкость отлажена. В определенный день, в определенный час собираются представители местных коммунальных служб. Здесь каждая

копейка на виду и есть ясность, кто за что отвечает, к тому же люди уверены, что глава города непременно найдет выход из любого положения. Он много работает и другим не дает расслабиться, помнит всякую мелочь (без записной книжки) и с других этого требует.

Зная сие, я и была уверена, что некогда прославленный празднествами, играми, спортом двор вернет былую славу. По простой причине — обретет твердую почву под ногами и ухоженную, как когда-то, территорию. Особенно обидной показалась в данном случае видимость дела, выдаваемая, к сожалению, за само дело. Как говорится, много шума — и ничего!

Даже привычную, отлаженную до обязательной, реакцию на критику в прессе можно, оказывается, легко и просто подменить легковесной, как те опилки, что легли на землю вместо асфальта, показухой. Обидно.

Возвращаюсь недавно из очередной тревожной командировки, делюсь с попутчиками: до чего, мол, нетерпима обстановка в сельском хозяйстве. А они: «Правду напишите?» — «Напишу!» — «Ну и что толку?» — «То есть как? Я же выражу то, что волнует людей. Их голос должен быть услышан!»

И вдруг мне напомнили хорошо знакомое: «Вот раньше меры принимали, причем попробуй не прими»...

Верно, в редакциях были специальные бланки «для принятия мер», в них цитировалась статья Гражданского кодекса об ответственности за деловой ответ в определенный срок. Конечно, и при этом можно, пожалуй, допустить долю казенщины и вполне возможной неправды. Но все-таки обязательность реакции на слово прессы была предусмотрена, узаконена даже. Никто не отменял ту статью, а вот не действует. И бланков нет. И редакции новых шумных газет не имеют представления о таких способах отстаивания общественно значимого мнения.

Слово и дело... «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести», как сказал поэт. О деле сказал, между прочим, то есть о прямом последствии слова.

Живет в Новокузнецке, работает на шахте «Есаульская» хороший парень — Николай Ничик. Когда-то он почувствовал потребность сказать правду, как она видится снизу, глазами рабочего. Написал — опубликовали. А речь-то шла о незаконных выплатах. О том, что, не ра-

ботая под землей, иные умудряются получать за подземный труд. Естественно, эти «иные» — не работяги, а начальство и даже жены начальства. Что тут началось! Не окажи поддержку собкор по Новокузнецку, не выдержать бы рабкору натиска. Выдержал. Более того, зная не понаслышке шахтерский труд, понял и цену шахтерского слова. И настолько плотно объединились в его судьбе эти два понятия, что стал со временем Николай Ничик писателем.

Когда началось чудовищное по своей сути и угрожающее стране хищение цветных металлов, шахтер и член Союза писателей России Николай Ничик написал (один из первых!) толковый и честный рассказ о воре цветмета — шахтере. Это был грустный провидческий рассказ. Он требовал немедленных мер. Причем не в смысле наказания вынужденного красть шахтера.

Это была пища для раздумья местного депутата Госдумы, как раз озабоченного в те дни собственной судьбой. Шли годы. Кража цветного металла продолжалась. И новые депутаты Госдумы все так же были обеспокоены не этим, а своей карьерой, желанием удержаться на олимпе. Где же их слово, которое они давали избирателям? Ведь обещали навести порядок с цветметом.

В Кемерове издана книга «Личность государственного масштаба». Это — документальный рассказ о бывшем первом секретаре Кемеровского обкома партии Афанасии Федоровиче Ештокине. Название одной из глав книги — цитата совета этого человека: «Слова никогда не должны расходиться с делом». Казалось бы, элементарно. Но в том-то и суть, что проходят годы, меняется даже социальная обстановка, а этот простой совет не теряет своей силы.

Особенно для руководителя любого масштаба.

ЛЮБОВЬЮ

В одной затянувшейся коммунальной истории никак не удается поставить точку, то есть добиться результата. Исполнители говорят: «Все сделано». Жители говорят: «Ничего не сделано». Очередная проверка показывает: кое-что сделано, но как? Лишь бы отвязаться. Лишь бы отчитаться.

О хорошо выполненной работе мы говорим: «С душой, с любовью сделана».

Профессиональный уровень и качество исполнения — следствие исключительно нашего отношения к делу, будь то уборка в поле или рождение строки в газете, сооружение спортивной площадки во дворе или проведение урока в классе. И, заметьте, тот, кто относится к своему делу с любовью, как правило, не оговаривает себе особых условий, не ищет оправданий в окружающей обстановке, так как занят делом, которым живет, погружен в него, увлечен им.

Никогда не забуду знаменитую свинарку, до того преданную своим далеко не романтическим подопечным, что даже различала их по голосам и характерам, жалела, как детей, отдавая далеко не эстетичному производству все силы души, всю сообразительность ума, и не сразу заметила, что стала знаменита. Ее жизнь и без того была содержательной, и это сказывалось не только в деле, но и в семье, на детях, что росли такими же трудолюбивыми, увлеченными.

Знаю сельских механизаторов, что терпеливо чинят-латают свои выдавшие виды комбайны, но один при этом пнет в сердцах своего друга-работягу и сплюнет, а другой протрет и погладит. Железу-то что? Это себе рвет сердце и усложняет жизнь один, и это себя самого, свою душу, спасает другой.

Еду на работу по одному из мостов через Искитимку и вижу, как округло изогнулся бордюр, аккуратнo поднятый, где необходимо, кирпичиками, как старательны на этом скромном участке рабочие, вот и «окошко» для слива воды на случай дождя оставили, видимо, и надзор здесь толковый, и исполнители опрятны. А за этим бордюрчиком — вход в парк имени маршала Г. К. Жукова — территория, преображаемая на глазах кемеровчан. Пока асфальтировали дорожки, успели подрасти березки. Гуляют здесь и взрослые, и дети. Есть спортивные сооружения.

Можно без конца отговариваться нехваткой средств. А можно искать и находить выход, привлекая заинтересованных предпринимателей: пусть они открывают свои «точки», но пусть одновременно благоустраивают город (то делали остановочные павильоны, то теперь вот — парк). Только очень важно при этом, прежде всего, отношение к делу, за которое берешься. Оно должно быть любовным. Только так. Только в таком случае приходит осознание, что нелепые и назойливо яркие сооружения на остановках автобусов-троллейбусов необходимо заменить на легкие, светлые и рациональные. И такая замена происходит. И за нею — чей-то внимательный

взгляд, чье-то заинтересованное участие, чья-то любовь к городу.

«С любовью к городу» — такой лозунг совершенно не случайно украсил улицы областного центра. Эти точно найденные слова — идеология жизни Кемерова. В ту пору, когда мы вздыхаем то по поводу отсутствия национальной идеи, то по поводу чрезмерной индивидуализации людей и настроений, такой вот простой и ясный клич способен, пожалуй, пробудить лучшие чувства.

Но вот я подхожу к новенькой, «с иголки» автобусной остановке, что так светло и разумно вошла недавно в городской быт, и вижу, что кто-то зачем-то подпилил ровные светло-голубые досочки сиденья. Ничего не унесено, да и не представляет ценности, просто подпилено в одном, другом, третьем месте. Пытаюсь представить себе человека с пилой. Может, так вот он испробовал работу приобретенного инструмента? Но и на противоположной стороне в таком же остановочном павильоне так же подпилена скамья. Не мог же человек с пилой ехать в двух противоположных направлениях одновременно? Следовательно, он специально вооружился инструментом, чтобы сделать городу пакость, бессмысленную, гнусную.

Вот вам и с любовью к городу... Тем более важна ценность этого призыва, этой чрезвычайно важной идеи, над которой нужно работать: проводить экскурсии, писать сочинения, устраивать утренники и вечера.

С любовью к городу... «Человек, который любит город, не будет ломать скамейки», — сказал однажды на пресс-конференции глава Кемерово Владимир Васильевич Михайлов. Верно. Как огонь зажигается от огня, так любовь загорается от любви. Тот милый бордюрчик на мосту не просто радует глаз, он воспитывает. И, кстати, перестали же ломать цветущие весной яблони вдоль Искитимки. Не топчут великолепные цветы у фонтана. И даже человеку с пилой не придет в голову охота лезть на зеленые газоны вдоль проспекта Советского, где в оригинальных клумбах бушует живое цветочное пламя.

Ну разве можно не радоваться, видя, как преображаются недавние пустыри, как устрояющиеся долгострой обретают облик приличных зданий, а территории рядом с ними покрываются асфальтом, как среди берез вдоль проспекта Октябрьского вырастают кучи земли и как любовно они затем разравниваются, покрываясь зеленым ковром? Ну нельзя же,

видя все это, бесконечно вытаптывать лужайки. Наступает, в конце концов, перелом, когда человеку с пилой немислимо шкoдить даже ночной порою. Его пристыдят, накажут, его начнут презирать.

С любовью к городу, с любовью к селу, с любовью к России. С любовью к делу, с любовью к людям, с любовью к жизни. Может быть, это и есть самая гуманная, самая необходимая нам сегодня, сплaчивающая и объединяющая нас, простая и доступная каждому мысль, для осуществления которой так мало требуется — жить любя, созидая то есть. Потому что нелюбовь разрушительна. Мы устали от нее. Так давайте пристальнее взглянем вокруг, заметим доброе, порадуемся ему и по возможности преумножим.

Постараемся преумножить.

«Ушел от нас Учитель...
Какая человеческая жизнь
может вместить в себя
столько Добра, Любви и
Веры?.. Веры в детскую душу,
Любви к ребенку, Добра к
людям...

«Чтобы дети оттаяли...»
Пятьдесят четыре года
прошли в тяжком труде,
в служении, взятом на
себя добровольно, — путь,
усеянный камнями и
терниями, без мечты
о награде, в твердом
убеждении, что — если не
он, то кто же?!

Он не умер, он жив в нашей памяти» — такие слова встретили сразу за порогом мундыбашской средней школы № 15.

Рядом — портрет Николая Алексеевича Капишникова, учителя литературы, создателя детского оркестра русских народных инструментов, — в траурной ленте, стихотворение Учителя «О, Боже, дай душе покой!»

«Чтобы дети оттаяли» — с этого все началось в послевоенное время, когда ребята остались без отцов и без хлеба. Принес Учитель, вчерашний фронтовик, в школу мандолину, подседа учительница с гитарой, нашлась балалайка... Никто не думал тогда о том, что придет время, и лучшие музыканты России признают школьный оркестр из поселка Мундыбаш.

Но это внешняя примета. Куда значительнее внутренняя, глубоко духовная, когда слияние литературного слова и народной мелодии рождало отзвук в детской душе и закладывалась потребность жить по совести, помогать друг другу и всем, кто нуждается в помощи.

Пройдут годы, найдутся среди выпускников люди, которые сумеют рассказать о тайнике души своего учителя. О совести то есть. Как о главном, что движет жизнь. Накануне печальных дней

прислал в родную школу из Санкт-Петербурга свои замечательные картины военный моряк, художник и писатель Геннадий Егорович Дрожжин. Заняла свое почетное место в школьном музее **мандолина**, добытая лауреатом оркестра **Борисом Александровичем Вавилихиным**. Мысль живет, прирастает **памятью**, **передается** от сердца к сердцу.

Поселок хоронил Учителя. Человека, поселившего здесь музыку и совесть. С утра шел дождь. Но к нужному часу прорвалось солнце и высушило дороги. Никакого оркестра не было. Была тишина. И было почтение. Накануне, чтобы не отвлечь на себя внимание в день похорон, заглянул в знакомую квартиру на втором этаже губернатор. Тихо, для собственной души, постоял Аман Гумирович в кругу близких родных у гроба человека, которого знал и ценил. Ведь Тулеев из Мундыбаша, его жена, в школьные годы Эля Соловьева, играла в оркестре Николая Алексеевича.

Теперь окруженный народом гроб стоял во дворе, недалеко от любимой беседки Учителя, под выращенными им березами и пихточками. Мирная осенняя благодать провожала его.

Последний раз Николай Алексеевич добирался до этого **земного** рая, всеми силами жаждущей

жить души своей цепляясь за солнечный лучик и зелень родных деревьев, за живую желтизну куста «золотого шара». С помощью приехавшего навестить его Николая Ивановича Бублика. Не менее получаса ушло у них на преодоление пути метров в тридцать — пятьдесят.

Учителя несли **через** живой коридор, который образовали вдоль улицы дети с цветами, до самого школьного порога. Под звуки школьного звонка. На этот раз звонок созывал всех детей и взрослых на урок памяти. Около школы остановились. И полились трепетные трели «Липы вековой» в исполнении оркестра, созданного Учителем. Давняя запись заполнила площадку перед школой, горькими слезами покатились по дороге. Ни речей, ни митингов не требовалось.

Но это было уже после отпевания в церкви, где в память об Учителе звонил колокол. Его колокол. И его учеников, выпускников оркестра.

Потом была длинная дорога через весь поселок, через старый фабричный мост. Всюду стояли люди. Путь оказался длинным, вел круто в гору, люди присоединялись, шли пешком, ехали в набитой до отказа грузовой вахтовой **автомашине**, только она и способна преодолеть **этакую** крутизну в дождь и слякоть. Именно сюда, **оказывается**, любил

подниматься Учитель, когда еще мог ходить. Здесь похоронены его родители, а недавно — верный друг — жена Валентина Прокопьевна. Будь она жива, и он бы жил.

Ветер рванул последние листья с деревьев, тучи закрыли солнце, когда я добралась до его полянки, с которой видны дальние, покрытые лесами горы и дивный издалека поселок, где встречаются три реки, сначала сливаются две, вскоре принимают в себя третью, растворяясь в ней, как отдельные звуки и музыкальные партии в оркестре Учителя, под его добрым взглядом, при его характерном жесте руки, побуждающем к душевности.

Уважительно вслушивались люди в речи на кладбище. Их, этих речей, слава Богу, было всего ничего, и все негромкие, чуткие, искренние. Но вот Владимир Иванович Бедин зачитал фамилии знаменитых музыкантов, начиная от Калинкина, кончая Бубликом, что как раз в тот день собрались в Калуге, а узнав о смерти коллеги из Мундыбаша, прислали телеграмму, и это оказалось значимо: есть пророки в своем Отечестве.

Как бился Учитель за свою Площадку дум, где ныне фонтан и качели, откуда прекрасный вид на удивительные мундыбашские пейзажи. Хотели построить на том месте контору, которая бы закрыла

дивные картины, лишив детей красоты и радости. Как восстал Учитель против строительства школы у кладбища! Не послушали. Построили, да не до конца. Огромные деньги затратили впустую — обнаружился в том месте пловун, и треснуло, не успев завершиться, здание. Теперь стоит укором ограниченности, памятником бесчеловечности.

За длинным столом фабричной столовой дети и взрослые долго сидели молча, не прикасаясь к еде. Послушание, почтение и скромность — все слилось в эти минуты в настроении людей. И здесь обошлись без лишних слов. Пара добрых и тихих воспоминаний вслух — вот и все. Бывший сосед, приехавший из Новокузнецка, сказал: «Какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало!» Свидетель встречи Капишникова с Кабалевским процитировал отзыв композитора об Учителе: «Великий человек!» И еще сказал, что музыкальными моментами называл Николай Алексеевич концерты своего оркестра. Вот почему, помимо шубертовского «Музыкального момента», это определило название книги Капишникова об оркестре. Книгу «Музыкальный момент» необходимо со временем переиздать, дополнив другими произведениями Николая Алексеевича. Ведь у него замечательный писательский дар.

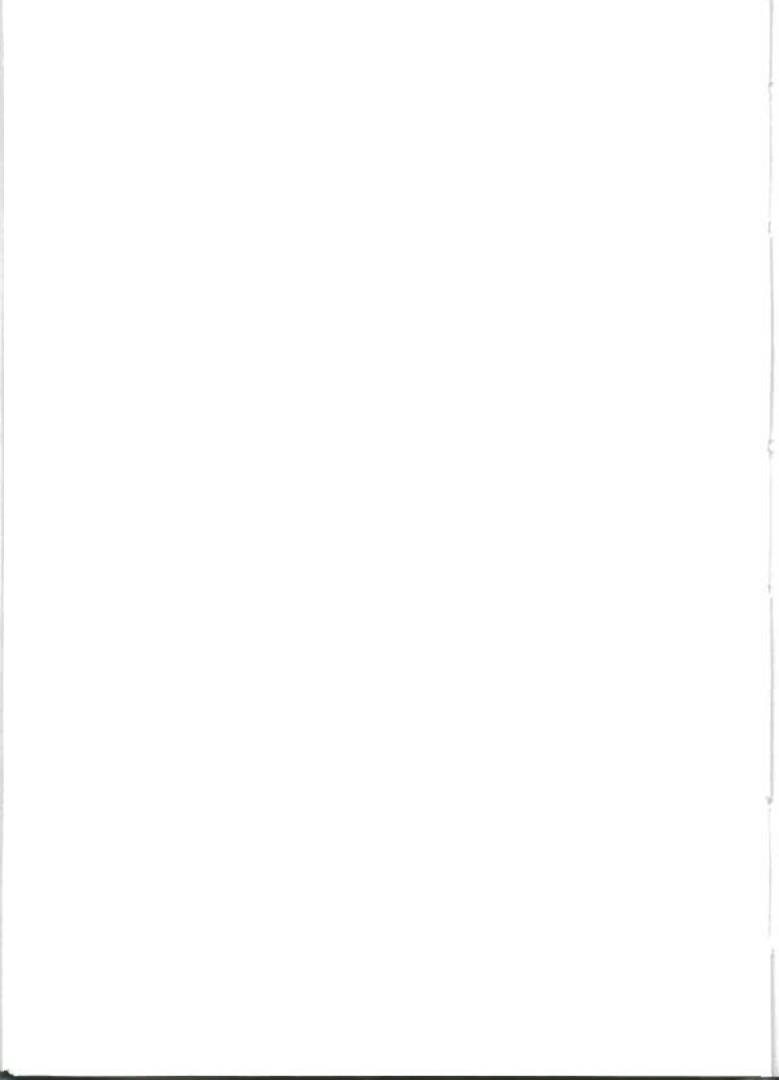
Разъезжались от фабричной столовой не только «вахтовки», джипы и «Вольво», «Волги» и «УАЗики», увозили выпускников оркестра, иные из которых стали вполне обеспеченными. А как бедствовал последнее время, оставшись без жены, прикованный к постели Николай Алексеевич. Привез часть своей премии имени Учителя Александр Иванович Бублик. Да премия-то невелика, и это разовая помощь. Борис Александрович Вавилихин привез куль муки. Сын Николая Алексеевича Сергей, заменивший мать у постели отца, вынужден был пойти зарабатывать. Дочь Марина разрывалась между семьей в Новосибирске и больным отцом в Мундыбаше. Стали нанимать сиделок. В это бы время придумать какую-либо стипендию для Учителя, хоть ненадолго продлить ему жизнь временной радостью. Он бы скорее всего не принял ничего, но забота согрела бы его. Не подобной ли чуткости учил он вас, дорогие? Ну да ладно. Обеспеченных-то мало среди его учеников. Большинство расходилось пешком, разъезжалось в знакомой «вахтовке».

Нашу кемеровскую делегацию ждал вагон. И когда только успел губернатор позаботиться о безлошадных? Мы проезжали ту самую платформу, где всего каких-то десять лет назад

бежали к нужному вагону проходившего поезда, что останавливается там на две минуты. Николай Алексеевич бежал тогда вместе с нами. Еще бежал...

Вот она, хорошо знакомая остановочная платформа 467 км, где мы обычно садились на поезд. Вверх от нее — убранные огороды на склоне горы, кучи картошки, тяжелые мешки на мужских плечах, последние тыквы на голой земле... Сохранится ли капишниковская душа в поселке, позовет ли в привычный день встречи выпускников оркестра?

Последнее, что сделал Учитель, когда уже не мог говорить, озадачило тех, кто был рядом. Он написал не очень понятно, потом — яснее: «Вперед». Что означало это слово, повторенное (письменно) дважды? Что он завещал нам?

ПОРТРЕТ МАМЫ

На выставке памяти
народного художника
России Александра
Николаевича Кирчанова,
что близилась к концу в
Кемеровском областном
краеведческом музее,
побывали многие
кемеровчане и гости
города. Они встретились
с портретами широко
известных и вовсе
неизвестных людей Кузбасса.
Среди последних — портрет
моей мамы. Он так и
подписан: Шатская Вера
Александровна. 1975 год.

Мы были соседями по даче в Журавлях, где Александр Николаевич написал несколько портретов мамы. Он делал это с большой охотой. Его привлекал образ женщины, которую к тому времени, как поется в песне, стали бабушкой все называть. Что-то притягивало его в характере, непростом и сильном.

· Вот он усаживает маму на садовой скамейке у стола и ставит чашку чая. А вот для другого портрета ищет луковицу, потом заменяет ее на самовар и вазу с фруктами, просит найти темный платочек.

Но не эти предметы определяли его творческий поиск. Художник говорил, что Вера Александровна напоминает ему его мать. И даже это лишь путь поиска: как раскрыть характер трудной судьбы, как высветить в нем главное?

На работе у меня — фоторепродукция одного из портретов, как раз того, где мама задумалась, облокотившись на грубый дачный стол. Перед нею — чашка чая, чуть сзади — наклонившаяся береза. Вот эта светлая, погнутая, но не сломленная береза и взгляд мамы, ее многоговорящие, наработавшиеся и все же изящные руки — это уже духовный мир.

Здесь нет речи об усталости, хотя человек пожилой. Здесь другое. Наполненность души. Есть

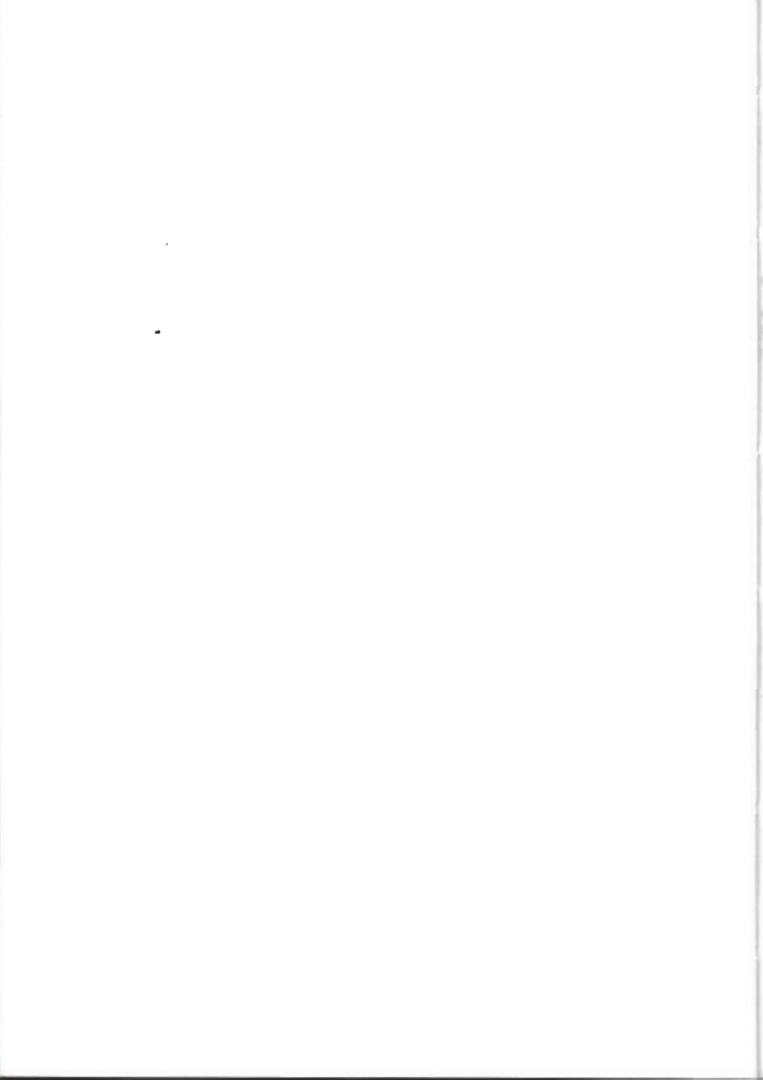
что сказать, есть чем поделиться такому человеку. Даже такая черта, как доброта, здесь — само собой разумеющееся, не более. Притягательно другое — содержательность, душа.

Дома у меня другой портрет мамы, облокотившейся на зеленую спинку дачной скамьи. В этом портрете Александр Николаевич показал больше внутренней скрытой тревоги, напряжения. Как раз в этом случае и требовался темный платок.

И вот что интересно. Единственное светлое пятнышко — лучик солнца, пробившийся сквозь сосны и заставивший вспыхнуть желтизной то ли листья, то ли ветку целиком...

Картина долго была в случайной рамке под стеклом и много теряла от этого. Художник Василий Петрович Кравчук сделал достойную и точную раму — чистое дерево, достаточно объемное, убрал стекло. И вдруг рама вступила в диалог с тем самым желтым, солнечным пятном, и в суровом портрете зазвучала мелодия оптимизма, стала понятнее стойкость характера, нацеленного на светлое, но живущего в темных тонах.

Память о художнике, ищущем, глубоком, для меня лично и память о моей маме, которую он запечатлел.

Ему сорок три года.
Смугл до черноты,
кудряв, цыганист по
виду, хотя даже короткое
общение открывает его
истинно русскую душу,
стеснительную и ранимую,
забубенную и обидчивую,
бесшабашную и стыдливую.
Сереха — печник. Это его
профессия и его счастье,
это его наказание и это
его несчастье. Хороший
печник — поэт в своем деле.
Хороший печник вызывает
восхищение. И тогда его
угощают — известно, чем.
Те, кто угощает, меняются.

Поудивлялись: похвалили, похлопали по жилистой, не знающей усталости спине и — до свидания, прощайте. А Серега остается со своими мыслями, со своим добрым удивлением от каждой новой встречи, от каждого нового человека. «Надо же, — крутит башкой (его слово о своей кудрявой голове), — с высшим образованием, а гвоздя вбить не может». И нет в его представлении плохих людей, есть только изумление от плохих поступков. Да еще одно не дает ему покоя: «Что это за руки, которые делают брак?»

Секрет в том, что Серега любит работу. Какую? В том-то и дело, что любую. Работая, он увлекается, загорается, в его руках все кипит, у него все получается — и печное, и плотницкое, и столярное дело.

Нет нужного инструмента? Не беда. Оглянулся, присмотрелся, подобрал кусок железаки, приладил, стукнул, охнул, скомандовал: «Вперед, Серега!» — и дело двинулось.

Любое его произведение словно стихотворение, а то и поэма.

Вот печка. Фундамент оказался не на месте. Кто-то до него ошибся. Ни обиды, ни претензий: «А мы ее вот так развернем, а мы ее сюда направим...» И пошел укладывать кирпич за

кирпичом, три хода — три выступа — ну, просто архитектурное сооружение, да еще припечек на радость хозяйке.

Сколько спал в ту ночь Серега, неизвестно. Утром уже взялся наращивать трубу. Лист оцинкованного железа не податлив. Присмотрел где-то у дороги брошенную ржавую трубу, приладил к ней сверкающий лист, сколотил деревянный молоток и ну долбить им по металлу, да еще загибает его и раз, и два, чтобы вышло заподлицо, как в швейном деле, честное слово.

Не поддается лист, упрямится. «Врешь, не обманешь», — наступает на него Серега. И, правда, постепенно закругляется оцинкованный упрямец, и шов заходит, как надо и куда надо. А Серега еще стягивает трубу двумя обручами, нахлобучивает «зонтик» из цинка же и лезет на крышу со своим изделием. И вот уже кричит оттуда восторженно: «На месте!»

Ну как тут не вспомнить Гоголя Николая Васильевича, его знаменитое: «Борода да рукавицы и сидит черт знает на чем, а привстал да замахнулся...». Что-то мы стали забывать о знаменитом русском мастеровом. Сдуру поверили в то, что нам навязывают: русский мужик-де ленив, к работе не приспособлен.

Это Серега-то не приспособлен? Да оставьте его без топора и ножовки в лесу, он заточит деляшк, и она станет его боевым орудием — без единого гвоздя соорудит жилище.

Приткнул предшественник готовую дверь как попало — бревна напирают криво-косо, щели зияют — руку просунуть можно. Глянул Серега на такую работу, задумался. Он всегда думает, прежде, чем берется за очередное творение, и тогда начинаешь понимать: золотые руки — это, прежде всего, умная голова. Сами по себе они ничего не могут значить. Их судьба — жить в ладу с головой, да еще с сердцем — с добром то есть. И печка, и труба, и вот эта дверь не сами ведь по себе, а для людей. А раз так, сердце хорошие советы подает.

Подумал-подумал Серега над дверью: сначала рубанком струганул по выпирающим вкривь-вкось бревнам, потом приладил ладненький брусок справа, потом слева, откуда-то приволок бывший в употреблении дверной оакем, поколдовал над ним пару часов.

Пригласил взглянуть, когда все это уже было готово. Вот это рама вокруг дверного проема! Светлое, живое дерево поистине дышит после того, как Сергей Николаевич раз десять, а может, и сто,

прогладил его наждачной бумагой — ни единого острого уголка, все ребрышки округлены, все прочно, красиво и радостно. Принимайте работу!

Господи, разве дело в этом косяке, в его утилитарной ценности? Все дело в душе мастера. Спасибо, Сергей Николаевич, за доставленную радость!

Есть, есть на Руси мужики, умные, ловкие, работающие и бескорыстные при этом — вот о чем особенно хотелось бы сказать. Ведь все уши прожужжали нынче разглагольствованиями о рыночной психологии, о том, что всюду — деньги, деньги, деньги...

Всю ночь переключивал Сергей печь, как всегда, у хороших людей. В пять утра присели с хозяином к столу. До девяти проговорили. Хорошо посидели. Уважительно. Обещал хозяин уплатить на следующий день. А в тот следующий день Сергей уже работал у других и опять до поздней ночи. Хотел зайти к вчерашнему, да постеснялся. А на третий день вообще решил: «Да что с них возьмешь?» И махнул рукой.

Плохо, что находятся такие, кто готов воспользоваться простодушием мастера. Повосхищаются, в очередной раз скажут, что руки у него золотые, угостят, а заплатить...

Откуда такой азарт в работе, такая редкая способность к упоению трудом, даже грязным, тяжким? От отца, убежден Серега. Отец был такой же жилистый и такой же сильный. Устали в работе не знал.

И еще Крейс Яковлевич многому научил. Первый наставник на стройке. Немец. Ох, и хороший человек! Понял, в чем сила мальчишки, так аккуратно, так по-порядочному направил эту силу в дело, да еще вовремя подсказал насчет звонкого стакана: мол, знай меру, помни, в чем спасение от этой беды.

Не всегда помнил Сергей. В такие вихри попадал, что, казалось, конец. Все чаще повторял, что жить не стоит — так томилась душа. Но поднимался в той же тоскующей душе властный зов: работать, работать, работать! И спасал.

В тюрьме не сидел никогда. А на пятнадцать суток попадал. Попал первый раз — гараж милиции достроил. Присмотрелись к нему: «Не желаешь к нам?» Не пожелал вольный мастер зависимой жизни. В другой раз другую работу сделал.

Все воспоминания Сергея связаны с этим его свойством — азартом в работе.

В армии служил, и там отличился следующим образом.

Четверо новобранцев получили наряд — каждому отмыть-очистить по двадцать метров длинного коридора. Кучерявому, как звали в ту пору Сергея, досталась первая доля. Присмотрелся он к полу: пятна не пятна, краска облуплена. «Это не дело!» — решил. Сбегал на кухню, попросил нож-секач, которым шинкуют капусту, и добела выскоблил-вычистил свою полосу.

Вот только взлетной ли она оказалась? Побагровел, увидев такое творчество, старшина. А тут как раз командир роты: «Построиться! Кто выполнял наряд?» Четверо шагнули. «Чья первая полоса?» Серега сделал еще шаг вперед. «Молодец! — похвалил командир и сурово повернулся к сержанту. — Привести в соответствие остальную территорию!»

Хорошо все закончилось? Ничего подобного! С тех пор невзлюбил сержант новобранца-трудягу, а это дело — хуже некуда в армии. Ну да у Сереги такая удачливая натура, что всюду-то его пристрастие к работе выручает.

Приходилось падать с высоты. Отлежался, поправился и — снова на верхотуру. Поначалу вроде страшновато. Но вот он оседлал конек деревенского дома, двинулся, подпрыгивая на нем, к самому краю, приколотил листы жести, как

надо. Скорей бы назад, а нет, оглянулся вокруг: вспаханное поле, а дальше перелески и темный, сплошной зеленой массой уходящий к горизонту бор. Красота! Ну как тут не задержаться, как не полюбоваться? «Хорошо!» — крутит головой на верхотуре.

Часто говорит Серега о матери. Живет она в Казахстане, откуда он родом, где похоронен его отец. Болеет мать. Как бы не прозевать последнее свидание с нею. Да больно дальняя дорога, немало расходов требует. Каждый раз, берясь за большую работу, Серега мечтает: «Вот получу деньги — и к матери поеду». Да все не выходит. Полученные деньги долго у него не задерживаются. Да и много их не бывает.

В малом предприятии, где числится Сергей сторожем турбазы, на которой живет и зиму, и лето, решили накопить ему на дорогу к матери приличную сумму, а потому перестали выдавать зарплату: дескать, на пропитание и так себе зарабатывает — где печку смастерит, где кому поможет. Только пришло лето, явился Серега за обещанным, а ему: «Нет денег!» Вот и все. Всю весну и все лето не получал. Как же так?

И снова кладет печки. Только отремонтировать очередную квартиру для начальства уже не спе-

шит. Обиделся. Да и надоело. К тому же узнал, что турбазу вот-вот продадут. Такое уже было. Опять вместе с ним?

Он чем-то напоминает горьковского Челкаша, только гордость не та. Гордость у него, у Сереги, особая, на свой лад. Его звездный час — кладка на скорость, когда чуть-чуть не дотянул до первого места, оказался на втором. Это было в Казахстане.

К той поре ему уже и углы класть доверяли. А это большая ответственность. Долго присматривался, а как-то раз, когда заболел специалист, заменил того — получилось. Вот это была гордость. Как и победа на соревнованиях.

Есть и загадки в натуре Сергея Николаевича. Например, у такого-то человека и вдруг не заладилась личная жизнь: в Кемерове жена с детьми в новой квартире, где и он прописан, да не живет. Уже две дочки взрослые, и пацаны подрастают. Заходит, приносит гостинцев. И не возвращается из леса. Не может простить жене, что пыталась его обуздать с помощью милиции, не верит ей больше. Словом, не тянет его в семью.

В эту семью идут письма от старших сестер. И есть среди этих писем сестринское недоумение: «Что же такое могло произойти с нашим Сергеем, что он вдруг стал злостно пить, и это после

тридцати-то лет? Что это он вдруг оставил семью, ведь совсем на него не похоже? Это как же нужно было его довести до жизни такой?»

Выпивает Сергей не жадно, но размашисто: налил стакан, выпил, еще — полстакана. И стоп. Закусывает хорошо, с удовольствием. И сам себя, и собеседников при этом убеждает: «Я — не алкаш».

Но случаются в его судьбе и такие выпивки, после которых не показывается перед людьми из-за разрисованной физиономии. Драчлив наш герой. Сам признает это. И ходят за ним клиенты-заказчики, ищут его на турбазе и вокруг — в лесу, а он, как сквозь землю провалился.

Появляется как ни в чем не бывало и — за работу. Она и лечит, и калечит. Без нее ему не жить. В ней его спасение.

А, может, вот так и все мы, каждый по-своему, тоскуя и страдая в тех скверных условиях, в которых оказались и по воле своей, и по натуре естественной, и по податливости на чьи-то корыстные авантюры, которые творятся не в наших интересах, бьемся-бьемся до поры до времени, да вдруг выпрямимся, осознав силу свою, да страхнем налипших советчиков, да делом своим, осязаемым, как тот дверной косяк, как та строка в

информации, как грядка в огороде и хлеб в поле, делом, жизненно необходимым, и созидательным, утвердимся в пользе и радости совершенствовать эту жизнь? И не отступимся от этого доброго зова, что есть у каждого из нас.

Или почти у каждого.

По заданию редактора я объехала кузбасские курорты и о каждом написала по статье. Цель была такая: разобраться, чем привлекают наши здравницы и почему они пустуют? Стояла суровая зимняя стужа. В санатории «Анжерский» едва насчитывалось два десятка отдыхающих, в «Горячем ключе» и того меньше. Пустовали редкостные по силе воздействия лечебные ванны «Прокопьевского», наполовину был заселен «Борисовский» с его уникальной целебной водой.

Итоги подводили за «круглым столом» в кабинете редактора, где собрались руководители фирмы «Кузбасскурорт», профсоюзные лидеры, представители федерального управления социального страхования, администрации области, научно-исследовательского института курортологии из Томска...

Уровень достойный. Высказывания солидные. И — никаких перемен! Напротив. Примерно с того времени кузбассовцы буквально хлынули в «Белокуруху», что на Алтае. Такое вот совпадение.

Сменилось руководство «Кузбасскурорта». Прошел еще один «круглый стол», на сей раз по инициативе профсоюзов. И что же? Вполне убедительно констатировали, что вместе с отъезжающими на «чужие» курорты уходят деньги из Кузбасса. Да, уходят. А как предотвратить это? Как оживить родные здравницы? Снова зачитали привлекательные характеристики каждой, перечислили, какая от чего может излечить. Посетовали на недостаток рекламы. И разошлись. До следующей пассивной констатации печальных фактов?

Вот и мне посчастливилось отдохнуть в «Белокурухе». Личное, так сказать, оздоровление и вызвало потребность сравнить условия и возможности наших кузбасских курортов с теми, в каких

пребывает знаменитая сибирская здравница. Убеждена: есть и у нас многое необходимое для того, чтобы дотянуться до ее уровня.

Начну, однако с того, о чем упомянула «за круглым столом» в кабинете редактора ученая дама из Томска. Она сказала, что лечение, соединенное с отдыхом, то есть массовые оздоровительные отпуска, — начинание советского периода жизни. В западных странах и на прекрасных восточных островах — комфортный отдых, наслаждение жизнью, что тоже немало значит для здоровья, но — никакого лечения. У нас — специализированные санатории с учетом климатических факторов.

Вспомним недавние профсоюзные путевки, вспомним массовые заезды и выезды. Все это бережно хранят фотоальбомы санатория «Прокопьевский», где жизнь поистине кипела. Все это передается от поколения к поколению преданных своему делу сотрудников санатория «Анжерский».

В «Белокурихе» я посетила музей, где узнала, что случайно излечился водой местной речки один крестьянин, дал знать об этом в Барнаул, и пошло-поехало радоновое лечение с 1867 года. Увидела на фото первые бараки для солдат русско-

японской войны, первый советский санаторий и первый ученый совет, госпиталь времен Великой Отечественной, веселые лица туристов — отдыхающих наших дней.

Оказывается, всего двадцать лет назад курортный городок Белокуриха был настоящей деревней. Первый многоэтажный корпус санатория здесь появился примерно тогда же. Сегодня в узкой долине меж гор выросли один за другим корпуса санаториев «Родник Запсиба», «Здравница Кузбасса», «Россия», «Алтай-West», «Сибирь», «Катунь». Зимой сюда едут специально на горнолыжную трассу. Здесь тысячи отдыхающих.

Среди этих тысяч — существенная доля кузбассовцев. На стоянках — машины с нашими номерами, на дискотеке знакомятся: «Я из Анжеро-Судженска». — «Я из Кемерова».

Однажды на вечере отдыха, где выделялась сильным голосом певунья из Гурьевска Мария Михайловна, где лихо сплясала под собственную частушку Галина Ивановна из Чебулы, где пропел куплет старой шахтерской песни ветеран из Белова, раздался клич: «Давайте выйдем все, кто из Кузбасса!» Собрался солидный хор. И по предложению артистичной от природы, не знающей смущения перед зрителями, легкой и подвижной

Марии Михайловны этот хор исполнил «Спят курганы темные...»

«Посвящаем эту песню нашему губернатору Аману Гумировичу Тулееву», — верховодила в тот вечер голосистая гурьевская бабушка в платочке.

Как и многие кузбассовцы, она попала в «Белокуруху» по так называемой тулеевской путевке — всего на двенадцать дней, зато бесплатной. По таким путевкам приехали шахтеры-ветераны, бывшие партийные и советские работники, нынешние учителя, врачи, журналисты.

«Наш губернатор за эти путевки углем расплачивается, — со знанием дела говорил один ветеран другому, — он у нас хозяйственный мужик».

Довелось услышать и такое. Мол, и сам Тулеев отдохнул как-то в «Роднике Запсиба», откуда вместе со всеми ходил на процедуры в Голубую водолечебницу. Отдыхал, говорят, недолго, дней десять, но, наверное, понравилось, раз двинул сюда полки подопечных своих примерно на такой же срок: хорошего помаленьку, пусть многим достанется.

Независимо от возраста собравшиеся в «Белокурухе» чувствовали себя детьми человека, способного поделиться тем, что дорого ему

самому, более того, чувствующего потребность жить именно так. Это из мира ощущений, что способен познать каждый, оказавшийся в поле воздействия такого человека. А результат? «Уж он-то о народе позаботится», — сказал мне много повидавший старый человек.

Вера в его силу такова, что лишает в какой-то мере инициативы самих верящих. Сложное это чувство. Безусловно, искреннее, по сути доброе. Рассказали мне жители Белокурихи, как ждали там на отдых нашего Тулеева, даже привели в порядок улицы. «А свои-то у вас бывают, Суриков и Назарчук?» — спросила. Оказывается, нет.

Автодорога в Белокуриху была не приведи Господи! Особенно на Алтайской стороне: рытвины да ухабы, летом — пылица, зимой — снежные заносы, тащился автобус по 15-16 часов. Недавно построена новая автомагистраль Кузбасс — Алтай. Дорожные муки кончились.

«К Тулееву обратитесь, — советовали пассажиры из Кузбасса издерганному алтайскому экипажу, — он что-нибудь придумает». Придумал, как видим.

Надежда на то, что этот человек обязательно найдет выход даже для соседней территории, не

без оснований. Так было не раз. Вспомним хотя бы, кто из региональных руководителей делом отреагировал на беду замерзающего Дальнего Востока? Кто уголь предложил? Наш губернатор.

Теперь вернемся к пустующим корпусам санатория «Прокопьевский». Какие здесь умные головы, но умные в медицине, в способах спасения и продления жизни, в создании для этого уникальных технологий. Есть в «Прокопьевском» и местные лечебные грязи. Нет отдыхающих. Значит, нет денег.

А какие новшества для исправления специфических шахтерских травм и заболеваний в санатории «Анжерский»! На местном машзаводе исполнили все в точном соответствии с чертежами врачей...

Чем же хуже «Белокурихи» наш санаторий «Борисовский» с его полезной водой? Тем, что беден, не ремонтируется, как требует время, плохо отапливается. Вот бы сюда белый мрамор для отделки, как в «Белокурихе», вот бы сюда голубые и розовые ванны, да лечебную воду подвести не только для питья, но и для ванн. Пусть бы наша деревня Борисово продавала курортникам в огромном количестве тыквенные семечки, вязала бы для них целебные носки из собачьей шерсти,

как делается это в Белокурихе. Пусть бы у нас оставались деньги за путевки.

Слов нет, нельзя абсолютизировать. Кому-то радон необходим, а кому-то он, кстати, вреден. Но создана атмосфера, передаются отзывы, идет молва. И едут стар и мал, работающий и неработающий на Алтай.

Безусловно, молодцы руководители ЗАО «Белокуриха»: гибко усвоили особенности рыночной обстановки. Первое дело — ремонт по высшему классу, второе — связи с предприятиями, того же Кузбасса, прежде всего, третье — комфорт (тут тебе и модные портьеры, и питание на выбор, и спортивные тренажеры). И вот индустрия отдыха-оздоровления отлажена, в меру капитализирована (лучше сервис — выше плата), обслуживающий персонал — на договорах, вышколен (больше в Белокурихе негде работать, единственный молокозавод закрыли).

Все учтено до мелочей. Салон «Шарм» привлекает не только представительниц прекрасного пола, педикюр, маникюр, чистка лица популярны среди парней. А вот про библиотеку при всем этом великолепии забыли. Ютится она в двух душных комнатах с повышенной влажностью. Просто удивительно! Или закономерно в обстановке по-сов-

ременному продуманной системы удовольствий? В тесной свалке книг я нашла, однако, кое-что весьма любопытное, оставшееся от скромных советских времен. Нет в библиотеке ни газет, ни журналов. «Вы скажите об этом нашему генеральному директору», — просит библиотекарь.

И там, в знаменитой «Белокурихе», я рассказала о том, какая замечательная библиотека в санатории «Борисовский», где выписывают и газеты, и журналы, и даже новые книги покупают, где проводят музыкальные и поэтические встречи.

Что же касается персонала, он буквально во всех кузбасских здравницах хорош: работающие деревенские люди так же дорожат своим трудовым местом, как в Белокурихе.

Знаменит горный воздух Алтая. А чем же хуже смолистый, вселяющий бодрость воздух нашего «Кедрового бора»? Завораживающ горнолыжный спуск напротив «Катуни», но там больше зрителей, чем лыжников. А в нашем «Сосновом бору» — на редкость прекрасные беговых лыжные дорожки, есть и горки, и горы, есть и лыжи напрокат — удовольствие, доступное каждому.

Когда мы возвращались с прекрасного отдыха в «Белокурихе», даме почтенного возраста стало плохо в автобусе, многие другие подхватили про-

студу: время зимнее, дорогая дальняя. «Сосновый бор» же рядом с городом Кемерово, только в чистом местечке. И все остальные здравницы Кузбасса точно так же, поистине под рукой.

Время идет. Буквально каждый день автобус «Кемерово — Белокуриха» собирает по городам Кузбасса не менее сорока человек и везет их, а вместе с ними деньги Кемерово, Ленинска-Кузнецкого, Прокопьевска, Белова, Новокузнецка, Осинников, других городов, поселков и районов Кузбасса на Алтай. Молодцы соседи! Умеют жить. А мы?

Ох, ох, придет ли времечко, когда вот так же будут собирать жаждущих попасть в санаторий «Борисовский», к его целебной воде, в его преобразенные номера и холлы?

За профсоюзным «круглым столом» по рукам ходили фотоснимки бывшей елыкаевской здравницы «Шахтер Кузбасса»: выломаны двери, зияют черными дырами окна — жуткая картина.

Неужели это печальное будущее и других здравниц Кузбасса?

ИЗМЕННО НЕ ТОЛЬКО НАЗВАНИЕ

Редактор предложил собраться с мыслями и сказать слово о газете «Кузбасс» в рабочем коллективе. Главным образом, об истории. Как собраться с мыслями, если в редакции в пору всеобщего обновления мышления даже с музеем вынуждены были расстаться? На месте его прекрасно оформленного зала, где, помнится, и старая пишущая машинка на столике о четырех ножках стояла, обустроились клетушки, никакого отношения к журналистике не имеющие, торгующие книжками, открытками, календарями.

Хозяин помещения так распорядился. Нет музея. Перевезли его экспонаты в хранилища: авось да окажутся со временем востребованными.

Откровенно издевательски звучит в последнее время упрек: мол, в светлое прошлое захотелось? Дело совсем в другом. Почему, спохватившись через 70 лет, вдруг начали выискивать положительное в царском прошлом России, причем зачастую не по зову души, не по убеждению, а исключительно в угоду моде? Не получится ли так, что и недавнее советское прошлое, усердно затапываемое ныне, придется добывать из-под наносных конъюнктурных слоев? Если бы мы пытались мыслить объективно, не уничтожая, не извращая то, что было!

С трудом удалось сохранить редакционную библиотеку. По-своему уникальная, она уютится в одном из кабинетов. Ее хозяйка, бессменный (более полувека) хранитель истории «Кузбасса» Евгения Всеволодовна Коркина (потомственный библиотекарь, она и дочь пристрастила к этому делу) ждет не дождется, когда сможет распечатать ценные пособия для журналистов. Ждет и верит: библиотеке жить, без нее не тот уровень культуры газеты, без нее не может быть глубокой журналистики.

Начиналась наша библиотека с того, что высокообразованная машинистка Мария Михайловна Яковлева завещала свои личные книги редакции. От поколения к поколению передавались истории о том, как «гоняла» эта машинистка не очень грамотных корреспондентов за стилистические и грамматические ошибки.

Евгения Всеволодовна, как всегда, нашла, чем помочь, отыскав подготовленное в свое время энтузиастом создания музея «Кузбасса» Максимом Гавриловичем Щербаковым. Я окунулась в прошлое родной газеты, которое помогло лучше осознать настоящее. Прежде всего, через людей, что работали до нас.

Первая тысяча номеров «Кузбасса» вышла к читателям 7 января 1922 года в Кольчугине. Газета с тех пор не меняла название. Это был орган РКП(б), рудоуправления, рудисполкома, райкома горнорабочих. Уже на следующий год в обзоре печати (в Томске) отметили, что «Кузбасс» производит хорошее впечатление, выходит ежедневно, имеет постоянные отделы: «Отовсюду», «На руднике», «По району», «В деревне», «Наука и техника», «Уголок матери и ребенка», много отводит места отчетам с собраний и пленумов.

Кто делал газету? Редактор, корректор, заведующий конторой, экспедитор, рассыльный. Нехватало бумаги. Было холодно в помещении. Часто сотрудникам угрожали за критику.

Первый редактор «Кузбасса» подписывал свои материалы псевдонимом «Дядя Вася». Василий Степанович Усов окончил учительскую семинарию и два курса юридического факультета Томского университета. Приехал он в Кузбасс с женой, которая стала первым корректором «Кузбасса». Хотелось бы увидеть фотоснимки этих молодых людей, преданных газетному делу. Нет таких снимков. Нет и необходимых документов. Есть память, зафиксированная порою в случайных строчках.

Писал редактор по ночам. Чуть уснет под утро, как надо воды принести, тесто замесить, хлеб испечь (жена стала болеть). И все же на работу приходил раньше всех, сдавал материал в набор и начинал, уже в редакции, таскать уголь, топить печь.

Мысленно вижу этого давнего коллегу склонившимся над листом бумаги при свете фитилька, вставленного в бутылку из-под лекарств, или крутящим колесо печатной машины (именно такие детали упоминаются в скупых рассказах сослу-

живцев). Однажды первый редактор «Кузбасса» был удостоен премии высшей категории — получил костюм... Сгорел красный журналист Усов быстро — в мае 1922 года его не стало.

Когда Щегловск сделали центром Кузнецкого округа, газета «Кузбасс» стала окружной, редакция переехала в Щегловск. Об этом времени удивительно тепло вспоминала в восьмидесятые годы единственная среди двадцати с лишним редакторов «Кузбасса» женщина — Евгения Дмитриевна Голова, жившая в Старом Крыму. К поре ее редакторства (1925 — 1926 годы) у нее за плечами были Бестужевские курсы, юридическое образование, небольшой опыт партийной работы. У остальных сотрудников — у кого девятилетка, у кого рабфак.

Запомнилась Евгении Дмитриевне жажда знаний шахтеров и химиков, которые прямо со смены шли в клуб, чтобы послушать лекцию. Запомнилось, как прекрасно выступал руководитель АИК «Кузбасс» Себальд Рутгерс. Большая культура этого человека, неважно говорившего по-русски, убеждала переполненный зал в правоте его идей. Люди строили новую жизнь, добивались социальной справедливости, овладевали техникой. Это был мощный общественный подъем.

Газета «Кузбасс» старалась быть на уровне требований времени. В ее распоряжении были деревянный домик с печным отоплением, две старенькие пишущие машинки, некрашенные столы и скамейки... Но секретарь редакции Коля Видусов, умный, живой парень из рабочих, быстро и страстно откликался на все события. Была у него безошибочная позиция: он любил Кузбасс, верил в него. Образованная редактор видела это, радуясь успехам Коли. Редакция дорожила связью с рабочими заводов и шахт, получала много писем. Женщина-редактор запомнила исключительную доброжелательность в коллективе редакции, атмосферу чистоты и романтики.

Во время войны, в январе 1943 года, образована Кемеровская область, с марта того же года «Кузбасс» — областная газета. Рассматриваю большой и выразительный снимок журналистов-фронтовиков: Павел Антипов, Евгений Смирнов, Максим Щербаков, Валентин Калачинский, Петр Ворошилов, Петр Костюков, Надежда Журавлева, Олег Павловский, Александр Морозов, Николай Троицкий, Юрий Баландин, Александр Волошин... И словно вижу укоризненный взгляд Надежды Елисеевны Журавлевой, и словно

слышу ее мягкое уточнение: «Я не журналист, я — корректор». Но какой корректор! Нет, только вровень с этими молодыми, красивыми мужчинами, которым без нее, скромнейшего и тишайшего человека, ни на фронте, ни в газете не обойтись. Лица на снимке славные, и шевелюры отменные...

С этим поколением, с его радостью жизни, в двери старой редакционной конторы ворвался дух творчества на новом витке судьбы «Кузбасса».

*Отними у нас газету —
И тотчас потерю эту
В наших буднях ощутим.
Вдруг покажется: квартира
Вдалеке стоит от мира,
Потеряла связи с ним, —*

писал журналист и поэт Михаил Небогатов.

Много лет спустя по разным торжественным поводам в «Кузбасс» шли слова признательности от поэтов и писателей военного поколения, первые произведения которых увидели свет на его страницах.

Кому и зачем потребовалось нарушить связь времен? Кому выгодно сделать все для того, чтобы мы оказались вынуждены расстаться с музеями на родных предприятиях? С каким

чувством переступают теперь порог редакции ветераны, не видя мраморной доски памяти погибших на фронте журналистов? Огромный дом, какими только коммерческими структурами не набитый, давно не наш, значит, и нет на нем места нашему скромному мемориалу. Что же касается ветеранов, то их, случается, не пускают в здание, по этажам которого свободно разгуливают торговцы колготками и газовыми пистолетами. Таким вот образом ужесточилась пропускная система.

Что-нибудь значит ныне орден Трудового Красного Знамени, которого удостоена газета «Кузбасс» в честь ее пятидесятилетия в 1972 году? Или его изображение рядом с названием газеты, и на листе, и на здании, что-то вроде привычного пятна с буквами СССР, серпом и молотом, пятиконечной звездочкой, то есть символами, которые сегодня не в чести?

Вот уже, как приговор, звучит замечание, что-де такая-то статья исполнена средствами вчерашнего дня. Как будто вчера все было недостойным, в том числе и мастерство журналистов (Анатолия Аграновского, Татьяны Тэсс?), а сегодня все исключительно прогрессивно. Вот только куда этот прогресс ведет?

Добрая память, преемственность — не такие уж простенькие понятия. Разрушив их, что обретаем взамен?

Когда сегодня одна из наших читательниц пишет, что «Кузбасс» не страшно оставить на видном месте, где его может заметить и почитать дочь-подросток, хочется думать, что неизменно не только название газеты, постоянна нравственная основа, заложенная вон в какие еще годы и вон какими замечательными людьми.

В бурные шестидесятые в «Кузбасс» хлынул поток молодых специалистов, дипломированных журналистов. Им повезло, потому что предстояло постигнуть все то, о чем сейчас идет речь, на практике. Им повезло, потому что они начинали работу у редактора газеты «Кузбасс» Николая Яковлевича Троицкого, человека мудрого, влюбленного в газетное дело, не теряющего интереса к творчеству своих воспитанников до сего дня. И судьба повторилась: одни ушли в большую литературу, другие — в центральные газеты, но тяга к «Кузбассу» осталась у тех и у других. Ведь это в буднях их редакционной жизни, всегда напряженной и беспокойной, родились строки:

*Иным газета — бумажица,
Кульки из газеты
крутили бы.
А мне она птицею кажется
С большими белыми
крыльями.*

Поэт-романтик Геннадий Юров, написавший эти строки, издавший не один десяток книг поэзии и прозы, время от времени появляется в редакции, и тогда на страницы «Кузбасса» врывается его страстная публицистика. Без родной, основательной, но консервативной, на взгляд модников от журналистики, газеты, как выверит писатель свою очередную задумку? И поэт Валентин Махалов, рожденный «Кузбассом», свой в нем. И многие другие.

Когда-то мечтали о трехтысячном тираже «Кузбасса», в семидесятые годы достигли 260 тысяч, отметив к этому времени выход десятитысячного и пятнадцатитысячного номеров.

Сообщение о миллионном экземпляре вызвало заинтересованную читательскую почту. Началась своего рода открытая планерка с участием читателей. И вот ее продолжение: идем на завод, ждем дельных советов, толковой поддержки.

Может быть, куда эффективнее достигают ныне цели ярко преподносимые светские сплетни, досужие вымыслы, эротические снимки, сексуальные советы? Трудно оставаться качественной газетой и быть при этом интересной. Что-то непременно страдает. Но...

Вернемся мысленно к мраморной табличке с фамилиями погибших на фронте журналистов. Среди них — редактор газеты А. И. Кудрявцев, художник — Герой Советского Союза В. И. Мызо, красивый корреспондент В. Н. Олейников, жена которого Анна Васильевна, в прошлом сотрудница газеты «Кузбасс», до сих пор навещает нас по праздникам...

Память об этих людях, о тех, кто был до них и после них, не допускает измены.

АЛИ ТАЕЖНЫЕ

Едем вдоль Томи, которая,
повинуясь изгибам
автотрассы, то удаляется
к прибрежным скалам, то
вдруг ровной, спокойной
гладью приближается
чуть ли не к самой
дороге, удивляя и волнуя
неожиданностью. Смолкают
разговоры в машине.
Неосознанное почтение на
миг овладевает каждым.
Вот и сам Междуреченск.
Он открывается Западным
районом — бывшей
Нахаловкой.

Здесь, на болоте, где, по преданиям шорцев, черт пролил свои слезы, совсем недавно были избушки да бедные (земля-то никудышная) огороды. Ныне Западный район — кварталы светлых многоэтажных домов: ровные улицы и переулки, как на чертежах архитекторов.

Золотая пора осени. Вдоль дорог высаживают деревья и кусты. Земля — сплошная глина. Землю получше привозят. И вот уже светлеют столбики, к которым заботливо подвязаны деревца. На фонарях вдоль дорог — красиво висящие вазы с подсохшей к осени зеленью. Можно представить, как хороши эти вазы летом.

Машина ныряет под мост железнодорожного переезда — и вот он, знакомый по книгам, открыткам и наяву центр Междуреченска, начало его главного проспекта — Коммунистического.

Налево — огромная клумба с двумя лежащими соболями, выращенными из трав. Междуреченцы сокрушаются, что соболята вышли похожими на барашков, да к тому же теперь уже подвяли, потеряли вид. Зато на клумбе справа — великолепные дельфинчики, прыгающие через кольцо. Тоже травяные.

Чудеса в Междуреченске на каждом шагу: то черепаха из речной гальки, то каменная царевна-лягушка. Все кстати, уместно.

Любят горожане гулять вдоль дамбы над Усой — появились для них скамеечки, уютно разместились березки и елочки — теперь здесь парк ветеранов.

А чего стоит знаменитый междуреченский Гулливер, фотопортрет которого украсил не один журнал? Детский парк вокруг великана тоже особенный, его особенность в душевности, которую рождает такой естественный материал, как дерево, его особенность в изобретательности сюрпризов — занятий для ребятишек.

Дома в городе покрашены продуманно, в ненавязчивые солнечные тона, так и хочется сказать — интеллигентно.

Созерцая облик города, познавая его заново, делаю открытие: все это — стремление соответствовать той природной красоте, в которой по воле судьбы оказался шахтерский Междуреченск.

Ему исполнилось 45 лет. К знаменательной дате вышла отлично исполненная, богато иллюстрированная книга. Наряду с толковым словом о подземных и наземных кладах местечка между Томью и Усой, наряду с многочисленными портретами шахтеров, врачей, учителей, дорожников, кондитеров, книгу украсили междуреченские пейзажи. Точный, современный ключ нашел к

созданию именно такой летописи, где есть место и могучему «БелАЗу», и хрупкому кандычку, коллектив местных журналистов во главе с Борисом Королевым.

Все в Междуреченске от природы: его главное богатство — уголь, свежесть рек и величие гор, меняющиеся краски тайги. Город невелик в окружении вечной, естественной красоты, он как бы вписывается в нее. Травяной медвежонок с бочонком рано или поздно должен был появиться. И он родился на радость многочисленной детворе, как и многие другие, вызывающие улыбку, изобретательно созданные скульптуры.

«Это мой город, мы с ним ровесники, вместе росли, вместе стремились к лучшему. Я помню его барачным, бездорожным, лишенным нормальных бытовых условий... В числе первооснователей Междуреченска были мои родители», — обращается к читателям книги, посвященной 45-летию родного города, его глава Сергей Федорович Щербаков.

Вспоминаю при этом, как в интервью газете он деловито и увлеченно говорил о том, что важно привести в порядок дома и улицы. Тогда рано утром стали выезжать на работу уборочные машины. Кое-кого на первых порах их звуки раздражали, а для него они были симфонией. Давно

привыкли горожане к чистым улицам, гордятся, что одна из них даже вымощена плиткой.

Поистине благоговейна чистота на территории православного храма, что появился у подножия горы Сыркаш, где задолго до рождения города был шорский улус с таким же именем. В самом храме иконы не абы какие, чувствуются мастерство и достойный уровень в создании иконостаса.

Так во всем: красота и качество — спутники полного сил Междуреченска. Вот уже рядом с кинотеатром «Кузбасс» возвели Ледовый дворец, и это в пору, когда многие спорткомплексы уступают свои оздоровительные площади ненасытной торговле. Говорят, и старенький кинотеатр будет преобразован.

Как и другие журналисты, я приехала в этот раз в Междуреченск на семинар. Казалось бы, узко профессиональное дело. Однако к такому событию подготовлены содержательные информационно-аналитические данные о бюджете города, его экономике, зарплате жителей, правопорядке, творчестве, спорте.

Показана и программа социально-экономического развития, даны сведения о населении (107,2 тысячи человек), браках и разводах, миграции и экономической активности людей. Любопыт-

но сообщение о распределении предприятий по формам собственности, об их количестве в отраслях экономики (всего — 1204, в промышленности — 153, в торговле — 457, в жилищно-коммунальном хозяйстве — 54 и т. д.).

Небезынтересно, что угля за восемь месяцев выдано 14365 тысяч тонн (за весь прошлый год — 21622), хлеба — четыре тысячи тонн (за весь прошлый год — 6,7), пива за такое же время — 290 (378) тысяч дал.

Привлек в скромной тетрадке такого рода данных раздел «Один день города». Оказывается, в среднем за сутки в Междуреченске в 1995 году произведено угля — 53,3 тысячи тонн, в 1999 году — 59,1; хлеба — 25,3 тонны и соответственно — 18,4 (меньше стали нажимать на хлеб, лучше стали питаться?); пива — 0,86 и одна тысяча дал (а тут наоборот — больше стали потреблять отменного междуреченского пивка?); кондитерских изделий — 0,25 и 0,2 тонн.

Рождалось в том и в другом году в сутки в среднем по два междуреченца, умирало вдвое больше. Как в капле воды, пусть даже более чистой, чем в других местах, отражается в данном случае общее российское горе. При этом вспоминаются слова поэта:

*Мой товарищ спросил
У меня без затей:
«Отчего в Междуреченске
Много детей?..»*

Лично мне показалось, однако, что, несмотря на строгую статистику, детей на улицах Междуреченска по-прежнему гораздо больше, чем в других городах Кузбасса.

В городе осталось 17 библиотек (была 21), восемь клубов (это число неизменно в течение последних лет — ни один клуб не закрыт).

Сколько же лет междуреченскому клубу железнодорожников? Ровесник города? Пожалуй. Он когда-то казался вполне монументальным в окружении приземистых зданий барачного типа, а сейчас рядом с высоченными домами такой маленький, но ухоженный, просто с иголки после ремонта.

Главное же в том, что в этом клубе прекрасно поют, страстно танцуют, виртуозно играют на гитарах. Еще важнее, что при этом горят глаза исполнителей, что все они увлечены любимым занятием, что всех их, юношей, девушек, маленьких ребяток, тянет в этот уютный дом.

Это тоже жизнь города, искристая частица каждого его дня. И это отражение близкой природы, ее мощного воздействия на людей.

*Дали таежные,
Люди надежные, —*
пела девушка со сцены.

*Я люблю тебя
ранней весной,
Когда в согре
тюльпаны цветут.*

*Когда в город
ветра озорные
С гор черемухи
запах несут, —*

вторил ей местный поэт, обращаясь к Междуреченску.

Про черемуху это точно, а вот тюльпанами поэт назвал какие-то другие цветы. Их здесь так много: прямо из-под снега пробуривают себе выход к солнцу кандыки, пламенеют поляны огоньков, здесь особенно крупные медунки и роскошные марьины корни...

Хорошо, что к дню юбилея вспомнили Николая Давыдовича Турчина и Олега Сергеевича Семенова — первых партийных руководителей города; Ивана Терентьевича Тарасенко, Александра Петровича Земцова, Эдуарда Феодосовича Батурина и других первых Героев Социалистического Труда; почетных граждан Тихона Тихоновича Омель-

ченко, Петра Тимофеевича Десятилова, Сергея Федоровича Вензелева...

С них начинался город. Они закладывали первые камни в особый фундамент междуреченского патриотизма. Непросто это было. В ту пору и горы сдвигались, и реки менялись, и люди гибли, срываясь в отвалы вместе с грузовиками.

Сегодня на изрытых склонах гор — молодая поросль, привычен и уважаем туризм — признак культуры. И хотя еще немало бед на клочке русской земли между Томью и Усой, согласие человека с природой все очевиднее. Судя по всему, ровесники города куда осмотрительнее продолжают дело отцов: именно осматриваясь вокруг.

И это естественно.

В долгу

Чувствую себя в долгу перед этим городом, а почему, не знаю. Вот и попробую разобраться.

С Прокопьевском меня связывает исключительно журналистская работа. Нет здесь ни родных, ни близких. Просто пришлось бывать в командировках. С них и начну.

Впервые приехала в школу, где был директором Вавилов. Школа утопала в саду, справа от дороги, ведущей в Новокузнецк. Кроме сада, ничего не видела, опьяненная ароматом яблонь, за которыми ухаживали школьники.

А в это время другой учитель — Елькин — собирал вокруг себя увлеченных историей ребят, закладывал музей в Прокопьевске, точнее, закладывал музей интеллекта, увлекая всех вокруг азартом мысли и поиска, приобщая к науке.

Все собиралась к нему, да так и не добралась, даже бывая в Прокопьевске и занимаясь другими темами. Не стало Елькина. Слушая однажды воспоминания его учеников в замечательном Прокопьевском музее, поняла — вот невосполнимый долг.

Как-то в Прокопьевске пришлось жить несколько дней. Очерк не очерк, но штрихи к портрету города давались трудно. Требовалась осмысленная социальная картина. Вот бы когдагодились уроки Елькина, но они в моей жизни оказались пропущенными.

Обратилась к литературе. И открыла нечто удивительное. Оказывается, за шестьдесят с лишним лет до меня мой коллега пытался понять Прокопьевск, ныряя, как и я, в его недавнее для той поры прошлое.

Крохотный рудник с парой халуп, затем — первые срубы из Томска, первые бараки с Кузнецкстроя, землянки.

«Вот тебе нора — рой уголь, вот тебе нора — живи», — вспоминала при этом жесткие слова опытного журналиста, который именно так обрисовал исток судьбы Прокопьевска.

Читаю дальше. Проблемы с водой. Заедают иностранных специалистов неизвестные им насекомые... Пыль, чернота, тоска по зелени. Обреченность? Но очерк назван «Жемчужина Кузбасса». Не с него ли прикипело навечно к шахтерскому городу это определение?

Автор, между тем, присматриваясь, видит, что люди весьма азартно берутся за метлы и лопаты, и город вроде хорошеет. А иностранцы? Вялые и пугливые на первых порах, они вдруг, забыв о клопах, поддаются общему азарту, в их глазах появляется блеск, в движениях — живость.

Десятки лет спустя, наблюдаю то же самое: город приводят в порядок, подбеливая, подкрашивая, подметая по весне.

Только к этому времени тысячи семей живут на подработанных территориях, по-прежнему проблемы с водой, масса ветхого жилья, поджигает себя рабочий, не получающий зарплату.

Наблюдения многолетней давности.

«Так для чего рожден город — для жизни или только для работы?» — пыталась я бывшую

местную власть и слышала в ответ: «Въехали на белом коне, оказались на черном поросенке». Это по поводу жемчужины, по поводу того, что в городе шахта на шахте, а новый, светлый район — Тырган — не в состоянии вместить четверть миллиона горожан.

Грустные наблюдения. Удручающе безвольная позиция власти. И новый долг перед городом, таким проблемным для нормальной жизни и таким непостижимым для понимания его духовной сути. Сколько выдающихся горных инженеров дал он стране, сколько светлых умов — науке, сколько командиров угольного фронта, сколько — просто хороших людей! Чинакал, Романов, Линденау, Кочетков... Всех не перечислить.

Недавняя командировка оказалась полной противоположностью той, многолетней давности. Нынешний глава Прокопьевска Гаранин энергичен и деловит. Это чувствуется во всем: ожил спорткомплекс, стал детской больницей многолетний долгострой, содержательна жизнь школ, детских садов, клубов и, что наиболее важно, работающие шахты в хорошей форме: зарплату выдают, налоги платят.

На этом фоне присматриваюсь к одной из шахт, что отметила 65-летний юбилей.

«Коксовая» — в центре города. Трудная шахта. С закладкой выработанного пространства. Она кормит несколько тысяч семей и нужна металлургам.

Встречаюсь с людьми «Коксовой» не в самое благоприятное время: закрыта столовая, среди дня в административно-бытовом комбинате отключается свет.

Пробираясь в полнейшей темноте по крутой лестнице и узкому коридору к раскомандировке семнадцатого гидроучастка, чувствую, как невидимые руки деликатно поддерживают и направляют меня. Шахтеры не имеют представления, что за женский голос у них на пути. Просто помогают.

Они культурнее предшественников, раскованнее в движениях. Дорожат рабочим местом. Реальнее смотрят на жизнь.

На восьмом участке встречаюсь с Романом, как называют здесь Рафиса Идрисова. Сын известного Героя Социалистического Труда, он озабочен одним: говорить только правду. Как на суде. Вспоминает, как отец выступал в школе: «Будете плохо учиться, станете, как я, в шахте работать». Сын не Герой, но честен, что немало. Тем труднее мне рассказывать об этом, не погрешив против истины. Новый долг? Именно.

Можно было бы не разыскивать Рафиса-Романа, не ждать его после смены на участке. Можно было бы вовсе не ехать на шахту. Ведь никто не поджег там себя в знак протеста. Напротив, видела, как шахтеры оживленно, но вполне буднично получали зарплату. Ну что в этом особенного? Можно было бы вообще взять информацию из других газет и с умным видом пересказать ее своими словами. Ну какую сенсацию можно преподнести сегодня с «Коксовой»?

Но... Глубоко убеждена: то, что шахта не закрылась, как другие, то, что перенесла трудные испытания, но выстояла благодаря уму инженеров, добросовестному труду рабочих, таланту руководителя, должно быть интересно обществу.

Только обретя веру в себя, мы выберемся из ямы, в которую попали.

Другое дело, что газетное повествование об этом — не самое занимательное сегодня чтиво. Как его сделать занимательным? Вот это и есть очередной долг пишущего.

В данном случае — мой долг перед шахтерским Прокопьевском.

МИЛОСТЬ К ПАДШИМ...

Неволя... Что может быть хуже? Клац-клац... Это закрылась железная дверь. Мы в крохотном проходе перед следующей такой же. Клац-клац... И снова. и снова.

Много раз приходилось проезжать мимо этого кирпичного приземистого здания, такого обычного на вид. Оказалось все здесь необычным.

Идеальна чистота заасфальтированного двора, а поднимешь голову — колючая проволока в несколько рядов — такое вот жуткое кружево.

И прогулочные дворики, на которые смотришь сверху, пугают теснотой и безысходностью. Однако есть и пекарня, в которой пекут отличный хлеб для всех колоний города, и теплицы — словом, своя жизнь среди камня, асфальта и железа. Как жизнь вот этой одинокой березки с оставленным для нее пяточком земли, как жизнь вот этих редких цветочных клумб с весьма ограниченным для них пространством. Вроде и жизнь, да казенная.

Между тем учреждение, рассчитанное на 560 человек, содержит 1200, случалось, и вдвое больше. Вот оно, отражение нашей сегодняшней жизни. И как-то в голове не укладывается, что эта огромная, в основном, трудоспособная, армия ест, спит и не работает в ожидании решения своей судьбы: пока идет следствие, не допускаются контакты.

Это фон, на котором предстоит познакомиться с несколькими судьбами осужденных, уже отбывающих наказание в разных колониях области. Для этого их привезли сюда из Белова, Юрги, других мест. В кабинет начальника СИЗО, где расположилась комиссия, входит первый заключенный.

Скажу сразу, что такой анализ ходатайства, когда видишь перед собой человека, куда глубже

и основательнее, нежели суждение по бумагам, чем зачастую приходится заниматься.

Вот пожилой мужчина. Ранее не судим. Всю жизнь проработал в шахте. Сейчас пенсионер. На похоронах его жены родственник упрекнул старика: не уберег, мол, супругу. Выпивший бывший шахтер бросился в драку, которая закончилась смертью родственника в больнице. При определении срока наказания суд учел престарелый возраст преступившего закон.

Комиссия не касается юридических тонкостей, не ставит под сомнение выводы специалистов. Ее задача, если можно так выразиться, человеческая, но при этом и общественно значимая. Потому и следуют вопросы о близких, о состоянии здоровья. Потому и думают члены комиссии: опасен ли этот человек для общества, способен ли повторить нечто подобное кровавому происшествию?

А на пороге кабинета уже другой — замордованный алкоголем до потери сознания, находивший смысл жизни лишь на дне стакана до тех пор, пока не шибанул по пьянке такую же сожительницу, да так шибанул, что она не поднялась. Наказание с учетом поведения погибшей более мягкое, чем предусмотрено законом, к тому

же — с принудительным лечением осужденного от алкоголизма.

Думают члены комиссии, подсчитывают отбытый и оставшийся сроки наказания, делают пометки. Через час-другой каждому придется высказать свое суждение.

Снова старик. Снова убийца. Прежде не судим. «Честное слово даю, я так бы никогда не сделал, если бы не был выпивши...» Отправил на тот свет жену. А теперь и сам обречен. Инвалид по серьезнейшему онкологическому заболеванию. Есть квартира. Есть дочери. Есть садовый участок. Где доживать: за решеткой или у зеленой грядки, которая может еще и помочь?

Женщина в чистой белой одежде с табличкой на груди. Работница столовой на воле и здесь. Не вынесла издевательства соперницы, похвалившейся связью с ее мужем, воспользовалась кухонным ножом. Первая судимость. Отличные характеристики. Ходатайствуют о помиловании не только сама, не только коллеги по работе, но и администрация места лишения свободы.

Эти четыре судьбы из семнадцати, рассмотренных при встречах с осужденными, выделены не случайно. Всех четверых комиссия решает помиловать. Дается это не просто: взвешиваются

все «за» и «против». Подход — индивидуальный. Голосуя, каждый обосновывает свое мнение.

Кроме того, двоим предложено сократить сроки. Один, гуляя с друзьями у костра, забрался в автомобиль и уснул за рулем, проснувшись от холода, завел машину и нечаянно наехал на спавшего у огонька. Другой, застав жену обнаженной на чужом диване, чуть было не убил ее. Теперь уцелевшая супруга просит помиловать любимого мужа.

Итак, шесть актов помилования из 35 рассмотренных историй, за каждой из которых — неизбежные слезы родных и близких, запоздалый страх и запоздалое раскаяние.

Предстал перед комиссией один такой изношенный дедок, так жалобно смотрел на всех, а между тем в его деле — внушительный список прежних судимостей. Жизнь прошла по тюрьмам. И вот итог. «Конец», — говорит. А сколько горя принес он людям, бесконечно воруя? И конечно же, прав член комиссии, заместитель губернатора Марк Абрамович Рудник, педагог, много лет проработавший в милиции, где стал генералом, когда напоминает коллегам, что надо помнить о потерпевших, что, взывая о милости к падшим, надо иметь в виду безопасность общества.

Тяжело смотреть в глаза, молящие о пощаде. Но какими были эти глаза, когда здоровенный верзила насильно малолетнюю? Она убегала. Он настигал. Как скажется это на психике девочки?

Конечно, есть дела — выразительные свидетельства неблагополучной социальной обстановки, есть явные жертвы обстоятельств. К примеру, беды одного парня начинаются с бегства его семьи из Казахстана. И в Чечне служил, и медали заработал. Да все свои способности обратил в конечном итоге на бандитский образ жизни.

Грабежи как средство существования весьма распространены. Для кого-то это, возможно, и азарт. Для общества — опасное процветание преступного явления. Втягиваются умные, грамотные, развитые. Лично мне жаль многих из них.

В комнате психологической разгрузки для сотрудников СИЗО, где мягкие кресла и тихая музыка, слушаем признания начальника ГУИН Валерия Сергеевича Должанцева. Недавно вступивший в эту должность человек, к тому же из династии такого рода служащих, он искренен и откровенен.

Валерий Сергеевич, хорошо зная сложный мир неволи и его проблемы, приветствует создание комиссий помилования в регионах. Почему? У человека, каким бы он ни был жестоким и опасным,

появляется надежда, свет в конце туннеля. Иначе люди озлобляются. Таково его суждение.

И тут же он предлагает набрать группу особо опасных рецидивистов, ходатайствующих о помиловании, и поработать с нею отдельно. Есть непростая зэковская психология, которую необходимо учитывать. Тогда работа комиссии будет носить еще и воспитательный характер.

Тут мы узнаем, что через территорию, на которой находимся, проходит в год до 14 тысяч человек. Поистине индустрия с финансовыми, коммунальными, медицинскими, налоговыми проблемами. Надо, прежде всего, кормить. Чем и как? В области более 30 тысяч осужденных. Это же целый город. ГУИН — своего рода государство в государстве со своими котельными, подсобным сельским хозяйством. Ему нужны государственные заказы на те же лопаты, которые везут пока из Томска. Так что проблемы хозяйственные и психологические оказываются в данном случае тесно переплетенными. Выясняется, что фактически финансируются две статьи расходов: питание осужденных и зарплата сотрудников, из коммунальных услуг — только электроэнергия.

Самое же главное — в зонах лишения свободы не хватает в настоящее время десять тысяч рабочих

мест. Следовательно, общество содержит десять тысяч нахлебников. В таком случае при недостатке мест работы в неволе и при гарантии таковых на воле надо смело идти на то, чтобы освободить людей. Именно об этом и сказал начальник ГУИН членам комиссии по помилованию.

Непросто, ах как непросто все это на деле! Четыре года назад в Кузбассе было 1179 рецидивистов, сейчас — 5013. Изменилось законодательство. И само понятие об особо опасных преступниках — тоже. А если взглянуть не с точки зрения судьи, а с житейской, общечеловеческой, как и положено членам комиссии? Иной мальчишка попал в тюрьму в 18 лет, и вот он уже заклеен, и вот тянутся за ним статьи наказания, определяя его судьбу. Что ему остается? Валерий Сергеевич Должанцев заявил, что таких почти треть.

Подпишет губернатор очередные рекомендации комиссии, уйдут документы в Москву к президенту. У кого-то, возможно, изменится судьба. Но нужны, очевидно, серьезные перемены и в самой системе наказания.

СЕ ЕСТЬ, А ЖИЗНИ НЕТ

Эту фразу он повторял часто, рассказывая о своей жизни. В автобусе было тесно, но дед успел занять удобное местечко и всю дорогу от дачного пригорода до самого города говорил и говорил о себе. Наверное, наскучался-наболтался в одиночестве. Крупный, седой, взлохмаченный, он цеплялся за жизнь с помощью никому не нужной, кроме него одного, исповеди. И выходила странная картина. Зачем жил? К чему стремился? Что оставит после себя?

Первая жена была спокойная и терпеливая. Редкий, по его понятию, человек, повезло ему на хорошую женщину. Детей не было. И начал он обуустраивать свою жизнь так, чтобы получать от нее блага. Благополучием это называют и, поздравляя друг друга, его-то и желают, прежде всего.

Был шофером, стал начальником автобазы. Но никаких воспоминаний о том, как работал шофером, как продвинулся по службе, не осталось — об этом ни слова. Квартира, вещи, машина, дача — все требовало усилий и напряжения. Напрягался сам, напрягалась жена. Много лет уже прожили, когда она неожиданно надломилась. Слегла и не встала. Притихла ухоженная квартира, опустела добротная дача. Улетела из них тихая, бессловесная душа. Поселилось тревожное одиночество. Самому уже за семь десятков перевалило. Как жить дальше?

Повезло на вторую жену. Врач на пенсии, дети, дочь и сын, взрослые, у них — свои семьи. Стали жить. Характер у женщины опять же спокойный. Умна и не требовательна. Подчинилась дачному азарту супруга — разводить всякую живность. Свиной держали, кроликов, коровой обзавелись.

Тут появилась в жизни нашего героя неожиданная и незнакомая ему прежде радость: у дочери врача подрастал не очень здоровый мальчонка, которому требовалось свежее, домашнее молоко. Дед ожил, трудясь непрерывно, то в огороде, то в стайках. Да опять не рассчитал, наверное, сил. И гуси, и куры прибавлялись в огромном количестве. Вся эта живность требовала ухода: визжала, гоготала, кудахтала в ожидании корма.

Слегла и вторая жена, с которой прожил всего пять лет. Похоронил ее. Деньги она завещала детям, которые скоро стали забывать деда. Внук, если и появится, так только для того, чтобы вытянуть у деда расходы на аттракционы в горсаду, а они немалые.

Подкатили одна за другой болезни. Пришлось лечь на операцию. Квартиру-то закрыть можно, а как быть с дачей? Пустил людей, которые стали жить там и до того довели помещение, что почернели не только стены, но и наволочки. Живность сократилась до нескольких кроликов. Хозяйство пошатнулось и стало приходить в упадок.

Вот и едет дед после очередного осмотра дачи, забравшей все его жизненные силы, с решением: во-первых, привезти сюда знакомую женщину,

чтобы отмыла с порошком стены и полы, во-вторых, продать усадьбу со всем ее содержимым.

В его глазах — испуг и тревога. Найдутся ли покупатели? Удастся ли выручить затраченное? После операции так ослаб, что голова кружится, свежего воздуха теперь не будет. Годы катятся к восьмому десятку, старость не радость.

Приезжала сестра издалека, тоже одинокая, прихватила с собой любимую собаку — ни породы, ни вида, одни хлопоты. Из-за этой собаки поссорился с сестрой, которая уехала, не простившись. Такая вот ниточка родственной связи. И та оборвалась.

«Все есть, а жизни нет», — повторяет дед в переполненном автобусе.

ОЧЕМУ Я СМОТРЕЛА «ИДИОТА»

— Вы смотрите «Идиота»? — удивилась знакомая и назвала какой-то модный сериал, который, на ее взгляд, гораздо интереснее, а вот «Идиот» на сей раз, по ее понятию, совсем не то, и Настасья Филипповна не такая и перед глазами все время красивый и благородный Юрий Яковлев в роли князя Мышкина... Возможно, это мнение близко к истине. И все-таки я, включающая телевизор, в основном, для знакомства с новостями, смотрела «Идиота».

Более того, каждый вечер ждала этой встречи, достав с полки шестой и седьмой (огоньковского издания отечественной классики) из двенадцати томов Федора Михайловича Достоевского и вчитывалась в текст, что звучал с экрана, и вглядывалась в иллюстрации Ильи Сергеевича Глазунова в скромных книжках.

С первых, буквально с первых кадров знакомства с героем в поезде открыла то, о чем тоскует душа.

В книге это так:

— А позвольте, с кем имею честь... — обратился вдруг угреватый господин к белокурому молодому человеку с узелком.

— Князь Лев Николаевич Мышкин, — отвечал тот с полною и немедленною готовностью.

С полною и немедленною готовностью к вниманию относительно любой личности, с желанием поделиться мыслью простодушно и тактично, с жадой понять и объяснить, с надеждой на лучшее в любом человеке встретились мы на экране. И, наверное, исполнитель главной роли Евгений Миронов долго вглядывался в портрет работы Ильи Глазунова, где все телесное, зримое как бы ни при чем, где глаза и душа, тоска и дума, где особенная, не

на показ, печаль русского человека, печаль не о себе, о жизни, о возможной и недостижимой нравственной гармонии в ней. Он так и живет на экране, этот не очень-то видный внешне, но переполненный жизненными бурями в душе молодой человек. Ловлю себя на мысли, что и игры-то вроде никакой нет, просто актер заставляет думать вместе с ним, отыскивать истину, проследивать смысл жизни.

А ведь как все по сути просто! Будь честен, абсолютно честен перед собой и перед всеми другими и станешь люб и дорог, если не каждому, то почти каждому, кого-то удивишь, кого-то озадачишь, кого-то насмешишь. Идиотизмом назовут такое поведение. Назовут и усомнятся. И задумаются. И переменятся.

Но ближе к нашим дням.

В мире бездуховности, в мире торжества вещей и агрессии такое лицо привлечет не каждого. А если и привлечет, то будет воспринято искорежено.

Меня поразила один телеведущий, из тех, кого беззастенчиво именуют «звездами». Из-за него-то, возможно, и взялась за перо. Решив прокомментировать новую версию «Идиота», он, конечно же, начал с такого-сякого недавнего прошлого,

где «мракобесу» Достоевскому не было места. Полно, уважаемый! И Юрий Яковлев в роли князя Мышкина, и Юлия Борисова в роли Настасьи Филипповны, и мои двенадцать томов Достоевского из того недавнего прошлого.

А вот то, что вы так упорно настаивали на любовной линии дамы в зрелых годах княгини Епанчиной и молодого князя Мышкина — это из вашего безнравственного настоящего. Да, любовь несомненна, но вовсе не та, которая вам желанна. Это, мне кажется, деликатно уловили ваши совестливые собеседники — Инна Чурикова и Евгений Миронов.

Вы точно выбрали две удачных работы. Опыт и талант Инны Чуриковой помогли ей сделать свою героиню одной из самых заметных фигур на экране. Самоотдача молодого Евгения Миронова, чуткость его сердца, искреннее восприятие боли-творчества Достоевского — своего рода открытие времени — именно такой герой ближе и понятнее сверстникам, теряющим ныне опору под ногами, ныряющим то в водку, то в наркоту.

Для чего живет человек, что есть для него ценность? Мучаются, страдают герои Достоевского. Режиссер Владимир Бортко, не навязывая своих концепций ни актерам, ни зрителям, и вместе с

тем не прогибаясь перед мощью автора романа, дает возможность размышлять, вдумываться в удивительную русскую речь, что звучит с экрана, вглядываться в ненавязчивые, неброские и обязательные (Достоевский!) картины Петербурга и Павловска.

Господи! Наконец-то на экране мысль, поиск, такая необходимая для нашего меркантильного времени жизнь души. Это не означает однако, что удивительная удача — новый сериал «Идиота». Не все получилось. Это так. И не получилось там, где — скольжение по поверхности, где все внимание внешним приметам, признакам, обстоятельствам, где нет выстраданности.

Воспитанные на бездуховности последних лет иные молодые артисты, очевидно, оказались просто не в состоянии передать мучительные поиски, таящиеся в глубинных пластах мысли гениального выразителя русской души.

Не случайно, следуя таким же путем внешнего узнавания, «звезда»-телеведущий вспомнил «Бесов». Не о том бы поговорить с экрана! Рядом с умницей Инной Чуриковой посадить бы интереснейшего Алексея Петренко, такого многогранного в роли генерала Иволгина. И не тратить усилия на затаптывание и без того затаптанного недавнего

прошлого. В конце концов, это не в духе Достоевского и не в духе его романа.

То, что пришло на этот раз в наши дома с экрана (сериал «Идиот»), потребовало сосредоточиться, а нам все некогда, мы, как белки, в колесе. За теми ли ценностями гонимся? Не упускаем ли что-то более главное?

Из-за границы приехал князь Мышкин, там же и оказался вновь на лечении. Последние слова романа — критика заграницы в устах Лизаветы Прокофьевны Епанчиной: «Хлеба нигде испечь не умеют, зиму, как мыши в подвале, мерзнут, — говорила она, — по крайней мере, вот здесь, над этим бедным, хоть по-русски поплакала», — прибавила она, в волнении указывая на князя, совершенно ее не узнавшего. «Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!» заключила она чуть не гневно...»

Когда охватывает отчаяние от того, что происходит вокруг, когда мечется мысль в поисках надежды, опоры, выхода, поневоле хватаешься за соломинку: ну что же вы примолкли, русские писатели — совесть нации? Ведь идет второй десяток лет с тех пор, как начались изымательства над Россией. Не вы ли, с вашей простоватой в ту пору, народной мудростью, будучи еще совсем неизвестными, повторяли в свои студенческие годы: «Будто плюнул мне в душу кто-то и растер сапогом плевков?..»

И вот уже не будто, а на самом деле плюнули, и раз, и два, да так изошренно, так продуманно, что сомнение берет: удастся ли отмыться-очиститься?

Первым подал голос, как и следовало ожидать, Валентин Распутин. Да так подал, что вспомнилась родная русская классическая литература с ее психологическими глубинами, с подлинной народностью, с поразительной живописностью, а главное — с неистребимой верой в добро и справедливость, с молчаливым ощущением правды и сути жизни, которое свойственно исключительно русскому перу, ибо это особенность русской души.

Употребив несколько раз почти что запретное слово, вызывающее немедленную реакцию: «Национализм!», вынуждена сразу объясниться. Дело в том, что это и есть тема новой повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», опубликованной в одиннадцатом номере журнала писателей России «Наш современник». Заметьте, в предпоследнем номере года. Вот уже год кончается, а ни на телеэкране, ни в радиоэфире, ни в печатной прессе — ни слова об этой повести. Молчание. Или замалчивание?

Изо дня в день продолжают растлевать души так называемые юмористы, нагло и надолго, судя

по всему, прописавшиеся в наших домах при помощи телевидения, а вот умному, честному, наболевшему и главное — актуальному слову Валентина Распутина нет места на пошлом экране как раз потому, что оно восстает против самой этой пошлости, наглости, циничного нравственного разложения.

Вот погорячилась, сказав «восстает». В том-то и дело, что настоящий писатель, мыслитель и философ, просто показывает нашу сегодняшнюю жизнь, ни с кем не споря (это дело публицистики), но показывает настолько выразительно и умно, что не задуматься просто невозможно. Оторваться от чтения повести нельзя. Поистине «духовной жаждой томим» будет глотать ее, как родниковую воду в знойную пору. Но писать о ней не просто. Как раз потому, что показана простая, будничная, привычная жизнь. Как показана — вот в чем вопрос. И для чего.

Мы видим, что происходящие в нашей жизни крутые перемены коснулись, прежде всего, семьи, ее нравственных устоев, привыкли к спивающимся семьям, безработным молодым людям, детям-беспризорникам. Валентин Распутин вводит нас в самую что ни на есть нормальную трудовую семью с весьма прочными нравственными правилами,

с расчетом на собственные силы. Коснулась ли ее жуткая круговерть, сумела ли втянуть в свою воронку?

Повесть начинается с глухого ночного часа, когда мать, словно натянутая струна, всматривается в темноту за окном, вслушивается, не стукнет ли дверь подъезда. Она ждет свою шестнадцатилетнюю дочь, которая, не было еще случая, чтобы не приходила домой в девять вечера. Спит муж Анатолий. Спит сын Иван. А она, Тамара Ивановна, так уж устроена женщина, слышит, как скребется в ней, взывая о помощи, выношенное ею дитя — Светка.

Так входит в семью трагедия, которой сопутствуют и шумная базарная жизнь, и то, что прекращает существование автобаза, где работали водителями грузовых автомашин Тамара и Анатолий, и то, что Светка, выучившаяся на продавца, искала работу на базаре, и то, что брат ее Иван, не соблазнившись ни дискотеками, ни другими модными искушениями, изо всех сил отстаивает в себе самостоятельность, право быть самим собой.

Опоганили Светку, опутав хитростью, ложью, угрозами, пообещав работу на базаре, люди кавказской национальности — хозяева базара,

сломали в одну ночь жизнь хорошенькой русской девчонки и всей ее семьи. Но как они, эти чужие на сибирской земле люди, сплотились, когда нависла угроза расплаты! И дружба, и взаимовыручка, и умение жить, и деньги пошли в дело. Вот тогда-то и поняла сильная духом дочь Ивана, мать Ивана и все, что происходит вокруг, и суть нашей нынешней правоохранительной системы. И вошла Тамара Ивановна в кабинет прокурора, где сидел обидчик, крепко прижала к груди сумку, глянула в глаза кавказцу, поняла, что он узнал ее. И грянул выстрел из сумки.

Вот и все. Но почему же я вспоминаю при этом, что о засилье южан на наших рынках говорит разве что один Жириновский? Говорит корыстно, в личных интересах, но попадает в больную точку. Не потому ли и голосуют за него, не долго думая, от отчаяния и безысходности? А вот когда умные, образованные люди объединились в блок «Родина» и нашли взаимопонимание с думающими отцами и дедами, в них сразу почувствовали угрозу привычному и, ухватившись за их идею национального достоинства, зашептали: «Националисты»... И шепот этот, тонко запущенный сверху, зашелестел в провинциальных низах... Между прочим, номер «Нашего современника»,

который открывается новой повестью Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», завершается беседой с лидером блока «Родина» Сергеем Глазьевым. О необходимости очищения нашей культуры и о роли в этом власти говорит политик. Наболело!

Ловлю себя на мысли, что не в силах передать тех мировоззренческих глубин, что заложены в повести Валентина Распутина. Во-первых, потому что «душу можно ль рассказать?» Во-вторых, настоящее художественное произведение не терпит изложения. Его нужно постигать в подлиннике.

Люди старшего поколения! Пойдите в библиотеки, возьмите «Наш современник» № 11 за 2003 год и прочтите повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». Здесь вы встретитесь с дедом Иваном, одиноко живущим в своем доме, бывшим лесничим. На таких испокон века держалась земля русская. Это он научил дочь Тамару стрелять и водить машину, это он дал ей силу характера. Это ваш обобщенный образ, ветераны.

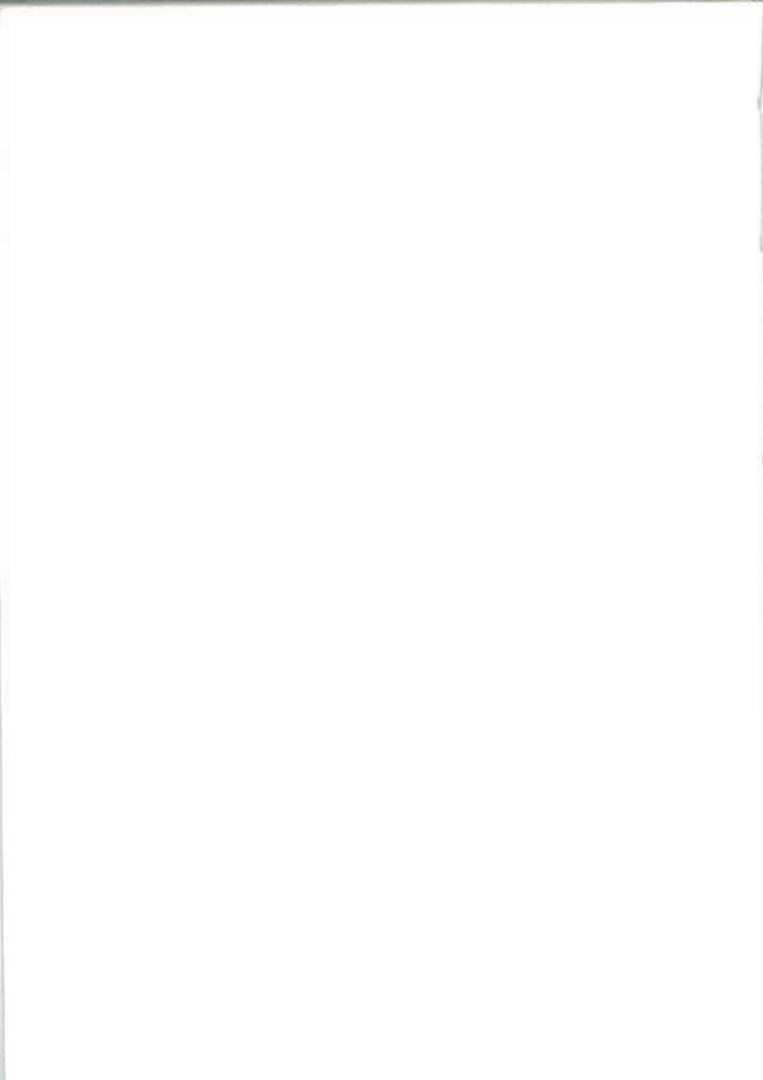
Молодые парни! Всмотритесь в своего ровесника Ивана. Разве ему просто устоять от пустых и опасных соблазнов, что вокруг? Вдумайтесь, почему так заинтересовался школьник Иван смыслом и звучанием русского слова? Не сам

ли это автор в пору юности? И почему, в конце концов, отслужив в армии, Иван идет не в науку лингвистику, а строить храм в родных для деда местах и почему так доволен этим дед? Вот они, корни, дающие нам силу.

Наконец, самое тревожное. Почему на решительный поступок оказалась способна женщина? Что происходит с русскими мужчинами? Если даже они не спиваются, то спят, как в ту ночь, когда мать у окна превращалась в сгусток боли. Есть над чем подумать? Тут мне вспоминается фильм Андрея Звягинцева «Возвращение». Ведь в нем идет речь о пробуждении мужественности. О необходимости такого пробуждения. А пока народ в повести не просто одобряет, уважает Тамару Ивановну.

Молчал-молчал Валентин Распутин. И вот высказался. Такого слова (как и фильма «Возвращение») ждали. Призрак бродит, как говорили когда-то. То, что необходимо, не может не родиться. Вот только одно беспокоит: многие ли увидят тот фильм, многие ли прочтут эту повесть?

Потому и пишу.

3 **ЗАПОЗДАЛЫЙ ТОСТ**

Отпуск разделился ровно пополам: половина пришлась на декабрь уходящего года, половина — на январь нового, да еще 2000-го. И путевка в санаторий «Борисовский» делилась точно так же. Новый год и не дома? Многие прервали отдых и разъехались, чтобы после праздников вернуться. Большинство осталось. Тем более, что некоторые оздоровительные процедуры продолжались.

И все же на душе было беспокойно: год особенный, праздник большой, в местном же магазинчике даже настоящего шампанского нет, приходится брать сомнительный заменитель под названием «С Новым годом!»

Нагрянули к тому же суровые морозы. Лес насупился и замер, не маня лыжней. Жизнерадостные березы и те стали неприветливы. Ничто не радовало. Вот так встреча нового тысячелетия!

Обстановка начала меняться исподволь, приоткрывая хорошо продуманные правила жизни большого дома, собравшего людей разных возрастов, профессий, интересов. В центре зала просторной столовой появилась огромная роскошная елка. Она некоторое время лежала, привыкая к теплу. Потом ее увидели прочно и красиво установленной, потом — украшенной. На стенах появились новогодние плакаты. После обычного ужина 31 декабря сдвинули столы справа от елки, покрыли праздничными скатертями и пригласили отдыхающих к 23.00 встречать Новый год.

Когда ветераны с орденами, молодые женщины в вечерних платьях, и все остальные, нарядные и торжественные каждый по-своему, входили в зал, их ждал единый, домашний, обильно и опрятно сервированный стол: бутерброды с красной икрой,

блюда с мясным ассорти (домашние колбаски, как выяснилось, только что привезены с Кемеровского мясокомбината), рыбное заливное, свежие помидоры и огурцы, мандарины и яблоки, бутылки «Советского шампанского» (полусладкого), приличные сухие и крепленые вина. И все это по-русски щедро, по-современному качественно. Вот это да! Гремела музыка. Стройная молодая ведущая, одна из отдыхающих, учительница истории из Ленинска-Кузнецкого Наташа в элегантных белых брючках и нарядной блузке, разгуливала с микрофоном, готовясь к новогоднему представлению. В замечательном Деде Морозе никто не мог узнать шахтера из того же Ленинска-Кузнецкого Олега, а в Бабе-Яге — милостивую библиотекаршу санатория Леночку. Были и Лешие, и Снежинки, пели и читали стихи сотрудники и отдыхающие, были подарки и призы. Кульминацией торжества оказалось выступление главного врача санатория «Борисовский» Анны Васильевны Золотовой. Радость от удачи задуманного и осуществленного переполняла ее. «Зачем ехать в Сочи, когда у нас так хорошо?» — спросила она, поднимая тост. Ей ответили благодарными аплодисментами. А потом ведущая Наташа предложила: «Может быть, кто-то из отдыхающих хочет высказать-

ся?» Никто не решился, и я в том числе. И вот теперь — мой запоздалый гост, главная мысль которого: индустрия отдыха — дело серьезное, благодарное, необходимое, а главное условие успеха — расчет на себя.

Хозяйская рука чувствуется в «Борисовском». Это не может не радовать. Прибыли на зимние каникулы в большом количестве школьники — знающие их нравы сотрудники немедленно сняли со всех приспособленных для отдыха сидений в холлах четвертого и пятого этажей, где поселили ребятню, мягкие подушки, зато установили теннисные столы. Инструктор физкультуры Павел Анатольевич Махнёв так толково организовал для детей спортивные занятия и в зале, и в плавательном бассейне, что на отдыхе взрослых это буйное нашествие не отразилось.

Не ехали отдыхать люди — не было притока денег. Теперь переставим местами эти утверждения. Выходит, заколдованный круг? Прорвали этот круг. Поехал в санаторий народ — появились деньги.

ГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Пойдем за синей птицей.....	5
У фонтана	13
Все спешим.....	19
Отчего тоска?	25
Мамин суп	31
Свое суждение.....	41
Слово и дело.....	51
С любовью	59
Душа поселка	65
Портрет мамы.....	73
Серегга	77
Свои курорты	89
Неизменно не только название	99
Дали таежные	111
В долгу	121
И милость к падшим.....	127
Все есть, а жизни нет	135
Почему я смотрела «Идиота».....	139
Долгожданное	145
Запоздалый тост	155

Таисия Алексеевна Шатская

МЫСЛИ ВСЛУХ

Публицистические заметки журналиста
к дню рождения города Кемерово

Художник

Валерий Илиндеев

Инженер компьютерной верстки

Сергей Скобликов

Сдано в набор 01.11.2003. Подписано к печати 11.02.2004.

Формат 60x84/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Міпіоп Pro». Объем 5 п.л. Усл. печ. л. 4,65.

Тираж 500 экз. Заказ № 682

Отпечатано в ФГУИИИ «Кузбасс»

Л.Р. № 010026 от 17.07.97 г.

650066, г. Кемерово, пр. Октябрьский, 28

то пятнадцатая книжка журналиста Таисии Шатской, автора очерковых книг, выпущенных Кемеровским областным книжным издательством: «На крыльях танца» (1965 год), «Даниловские луга» (1967), «Теплая речка» (1969), «Междуреченск» (1972), «Каким вырастет человек?» (1975), «Не могу жить иначе» (1980), «Кони-сони» (1981), «Домашние уроки» (1985).

Несколько ее книг вышло в других издательствах, таких, как «Сибирский писатель»: «Директор из рабочих» (1989), «Театральные блокноты» (1989), «Председатель» (1999), «Чубчик, Малыш и Крепыш» (1999), «Голос совести» (2002), «Поле доброты» (2003).